Rb. c. 25

МАРКА ТУЛЛІЯ ЦИЦЕРОНА

БЕСѢДА О СТАРОСТИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО.

А. ЗИНОВЬЕВА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).
на Страстномъ бульварѣ.
1866.

Д. 303.

Дозволено цензурой. Москва, 15 іюня, 1866 г.

3 82769.

ЛАЗАРЕВСКОМУ ИНСТИТУТУ

ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ,

ВЪ ПАМЯТЬ 50 ЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ

ЕГО ОБЩЕПОЛЕЗНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ,

УСЕРДНѢЙШЕЕ ПОСВЯЩЕНІЕ

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

—

«Кому не извѣстно сочиненье Цицерона «О старости?» Кто не возвышался нравственно при чтеніи всего имъ сказаннаго въ защиту старости или противъ порицателей, ее унижающихъ? Оно содержитъ въ себѣ истинно степенныя и здравыя сужденья, подкрѣпленныя живыми примѣрами, разрѣшающіяся свободнымъ и не выисканнымъ воззрѣньемъ на загробную жизнь души послѣ мирной кончины. Самые стихи изъ Еннія, которыми начинается бесѣда, распространяютъ отрадный свѣтъ на все сочиненье, которое Цицеронъ, въ письмахъ къ своему испытанному другу, Аттику, называетъ этими начальными словами: «o Tite!» Такъ почти начинаетъ Як. Гриммъ свое слово о томъ же предметѣ, но съ другой точки зрѣнья (*).

Цицеронъ говоритъ отъ своего лица лишь во введеньи, а весь трактатъ изложенъ въ формѣ разговора между Катономъ Старшимъ, Публіемъ Корне-

---

*) Rede über das Alter geh. in der königl. Akademie de Wisslenschaften zu Berlin. 1864.

ліемъ Сципіономъ Эмиліаномъ Африканскимъ (Нумантійскимъ) и Каіемъ Леліемъ, или, точнѣе, послѣ общаго краткаго разговора, бесѣдуетъ одинъ Катонъ,—и эта рѣчь въ устахъ великаго Римлянина, уже около вѣка до времени когда писалъ Цицеронъ отшедшаго, но еще жившаго въ свѣжей памяти читателей, современныхъ автору, живо себѣ представлявшихъ его высокую личность, — тѣмъ сильнѣйшее производитъ дѣйствіе.

Просвѣщенные любители классической древности, удостоивающіе вниманья предлагаемый имъ русскій переводъ, да обновятъ въ своемъ воспоминаньи эту примѣчательную историческую эпоху.

Въ послѣдніе годы своей жизни, испытавши превратности счастья, удаленный отъ поприща гражданской дѣятельности, оплакивая смерть своей нѣжно любимой Тулліи, Цицеронъ искалъ утѣшенья въ философіи, не оставаясь впрочемъ равнодушнымъ свидѣтелемъ великихъ гражданскихъ переворотовъ. Къ этому времени относятся почти всѣ его философскіе трактаты, имѣвшіе совершенно практическую цѣль, какъ это видно изъ его вступленья во вторую книгу «О гаданіи» (de divinatione).

Не упуская никогда случая быть полезнымъ для своихъ согражданъ, онъ, послѣ долгихъ и постоянныхъ изслѣдованій, пришелъ къ тому заключенью, что всего лучше достигнуть предположенной цѣли распространеньемъ просвѣщенья. «Мы,» продолжаетъ Цицеронъ, «по мѣрѣ крайней возможности, убѣждали къ изученью философіи въ нашемъ трактатѣ, подъ заглавіемъ «Гортензій» (Hortensius); а какой отдѣлъ любомудрія, по нашему мнѣнію, простѣе,

состоятельнѣе и изящнѣе, это изложено въ четырехъ «академическихъ книгахъ» (libri academici). Далѣе, основаніе всей философіи или «вопросы о крайнемъ благѣ и злѣ» (de finibus bonorum et malorum) содержатъ въ пяти книгахъ мнѣнья другихъ философовъ по этому предмету. Въ пяти книгахъ «Тускуланскихъ вопросовъ» (Tusculanarum quaestionum ad M. Brutum) разсуждается о предметахъ, условливающихъ счастіе въ жизни. Затѣмъ слѣдовали три книги «о природѣ боговъ» (de natura deorum), и книги «о гаданіи» (de divinatione). Сюда же должно отнести шесть книгъ «о государствѣ» (de repuplica), написанныя еще во время его управленья республикою (cum gubernacula reip. tenebamus). Равно практическую цѣль имѣлъ трактатъ «объ утѣшеніи» (de consolatione). Наконецъ сюда относятся бесѣды «о старости» (de senectute) и «о дружбѣ» (de amicitia). Изъ числа философскихъ имъ не исключаются и книги риторическія: «Объ ораторѣ» (de oratore), «Брутъ» и «Ораторъ» (orator). Не ограничиваясь уже завершенными трудами, Цицеронъ предполагалъ многое написать о воспитаньи юношества, поставляя въ этомъ свою важнѣйшую заслугу, такъ какъ молодое поколѣніе той эпохи отличалось крайнею безнравственностью *).

«Бесѣда о старости» написана, по собственному выраженью автора, эпизодически, среди занятій бо-

---

*) Quod enim munus reip. afferre majus, meliusve possumus, quam si docemus atque erudimus juventutem? his praesertim moribus atque temporibus: quibus ita prolapsa est, ut omnium opibus refrenanda ac coërcenda sit. De div. II, 2, 4.

лѣе обширными сочиненьями (de natura deorum» и de divinatione, выше указанными *).

Написана ли она до или послѣ смерти Цезаря, этотъ вопросъ неодинаково разрѣшаютъ критики, Это, впрочемъ, не измѣняетъ существеннаго значенья бесѣды. Во введеньи Цицеронъ просто говоритъ, что ему разсудилось написать о старости своему любезному Титу. Но не было ли къ тому и особенныхъ побужденій? Защищая старость отъ упрековъ, исчисляя ея преимущества, не желалъ ли Цицеронъ намекнуть о своей личности? Не имѣлъ ли намѣренья доказывать, что и его 63-лѣтній возрастъ не помѣшалъ бы ему съ честью потрудиться для пользы и славы республики? Приводя въ примѣръ историческихъ старцевъ, не хотѣлъ ли напомнить о своей испытанной способности къ государственному управленію, или даже о необходимости, среди внутреннихъ смятеній, вручить кормило республики испытанному кормчему? Приведенные въ IV гл. стихи Невія еще болѣе подтверждаютъ эту догадку:

> «Какъ это вы свое государство, столь великое, такъ скоро растеряли?» — Стали являться новые ораторы, пустые юноши. —

Цицеронъ, по примѣру Платона, излагая свои мысли въ разговорной формѣ, изъ Платонова государства заимствуетъ нѣсколько сужденій и примѣ-

*) Interjectus est nuper liber is, quem ad nostrum Atticum de senectute misimus. Ibid.

ровъ. Онъ могъ также имѣть передъ глазами разговоръ Аристона Хіусскаго, ученика Зенонова, «о старости» (περὶ γήρος), не уцѣлѣвшій для потомства; а потому и нельзя сказать въ какой мѣрѣ онъ имъ пользовался. Онъ только приводитъ, что въ греческомъ твореньи представленъ Тиѳонъ. Тиѳонъ былъ смертный супругъ Авроры, или Эосъ, одаренный отъ Зевса, по ея просьбѣ, безсмертіемъ, но не вѣчною юностью. Когда онъ сталъ сѣдѣть, Аврора удалила его отъ своего ложа и изъ жалости содержала въ запертомъ покоѣ, питая его амброзіею. Греки считали его дряхлымъ старикомъ, и отъ него скорѣе можно было ожидать грустныхъ сѣтованій.

Цицеронъ напротивъ выводитъ на сцену историческія лица и преимущественно Катона Ценсора, представителя великой римской старины, по отношенью ко времени автора. Катонъ, въ позднѣйшій періодъ жизни *), почти за годъ до своей смерти, ведетъ рѣчь съ Корн. Сципіономъ Африканскимъ младшимъ и К. Леліемъ. Катону около 83 лѣтъ отъ роду, Сципіону 35, а Лелій нѣсколько старше послѣдняго. Не излишнимъ считаемъ представить краткій біографическій очеркъ собесѣдниковъ.

М. Порцій Катонъ Ценсоръ (superior, priscus, censorius) старшій, такъ назывался для отличія отъ своего потомка, Катона Утическаго, родомъ Тускуланецъ, «человѣкъ новый» (homo novus),

*) Въ консульство Т. Фламинія и Манія Ацилія Балбы, 150 до Р. Х.

т. е. не изъ патриціевъ. Cic. de leg. II, 2. 5; de rep., I. 1.; Verr. V, 70. Первую молодость провелъ въ небольшомъ сабинскомъ помѣстьи своего отца, рано полюбилъ сельское хозяйство и, судя по римскимъ понятіямъ, получилъ основательное приготовительное образованье. Вступя на военное поприще, 17 лѣтъ отправился съ К. Фабіемъ Максимомъ подъ Капую, противъ Ганнибала (при консулахъ Албинѣ и С. Корвиліѣ Максимѣ); съ нимъ же находился подъ Тарентомъ; сопровождалъ Сципіона въ Африканской экспедиціи; будучи «Военнымъ трибуномъ», отличился въ сраженьи при Сіенѣ, въ Сициліи (207). Возвратясь въ Римъ, чтобы начать гражданскую службу, былъ посланъ, въ качествѣ квестора, въ Сицилію съ тѣмъ же Сципіономъ и здѣсь съ нимъ навсегда разошелся; былъ эдиломъ (199), преторомъ (198), управлялъ Сардиніею, былъ консуломъ съ другомъ своимъ Л. Валеріемъ Флаккомъ, усмирилъ бунтъ въ по-сю-сторонней Испаніи (Hispania citerior) и награжденъ тріумфомъ. Въ 191 г., въ званіи «консула-легата» (legatus consularis), принималъ участіе въ греческихъ событіяхъ и отличился въ сраженьи при Ѳермопилахъ. Въ 184 былъ избранъ тѣмъ же Валеріемъ Флаккомъ въ цензоры и пріобрѣлъ извѣстность необыкновенно строгаго блюстителя нравовъ и общественной пользы. Освободясь отъ гражданскихъ должностей, онъ до самой смерти имѣлъ значительное вліянье на общественныя дѣла. Въ 152 смерть похитила его взрослаго сына, подававшаго отцу блистательныя надежды; но не поколебала его твердости въ перенесеніи этого удара. Катонъ, по счисленію Цицерона,

умеръ за 3 года до разрушенія Карѳагена, на 85 году отъ роду; слѣдуя Корнелію Непоту и Плутарху — тремя годами моложе; слѣдуя Ливію, — пятью годами старше. Это былъ мужъ одаренный самыми разнообразными способностями, и за что ни принимался, можно было подумать, что всякое дѣло было его спеціальностью. Въ старости, напр., онъ особенно сталъ заниматься науками, и горячіе его приверженцы называли его потомъ римскимъ Демосѳеномъ. Судя однако по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ изъ рѣчей и историческихъ сочиненій Катона, по его разсужденію «de re rustica», позднія его занятія греческою литературой произвели перемѣну въ его образѣ мыслей, но не могли его перевоспитать: его страшно соблазняло прибытіе въ Римъ Карнеада, во главѣ греческаго посольства. Цицеронъ очевидно идеализируетъ его въ своей бесѣдѣ, какъ избраннаго имъ представителя; но въ другихъ мѣстахъ и самъ не признаетъ за нимъ утонченнаго образованья. Строгій въ домашнемъ быту не менѣе какъ и въ политикѣ, онъ упорно боролся противъ нововведеній *); древній римскій его характеръ выражался въ его голосѣ, взорахъ и тѣлодвиженіи, а еще болѣе въ его политическихъ мнѣніяхъ. «А Карѳагенъ должно стереть съ лица земли», было его заключительнымъ словомъ во всѣхъ сенатскихъ разсужденіяхъ, хотя бы рѣчь и не касалась Карѳагена *).

---

*) Cic. Orat. III, 33: Quid enim M. Catoni praeter hanc politissimam doctrinam transmarinam atque adventitiam defuit? — Plut. Cat. m. 2: παιδείας ἑλληνικῆς γενέσθαι λέγεται. Ibid. 23. πάσαν

Подробную біографію Катона изъ древнихъ написалъ Плутархъ; сокращенную—Корнелій Непотъ, отрывочныя свѣдѣнія—Ливій; изъ новыхъ—Веберъ (commentatio de M. Porcii Catonis vita et fragmen. Dortmund 1839 и 43 и Герлахъ (Historische Studien. Hamb. u. Gotha 1841) представившій интересную параллель между Сципіономъ Африканскимъ Старшимъ и Катономъ.

Каій Лелій и Сципіонъ «младшіе» наслѣдовали и свято хранили дружество, соединявшее ихъ отцовъ, Лелія и Сципіона «старшихъ». Каій Лелій родился около 188 г. и во всякомъ случаѣ нѣсколькими годами старѣе своего знаменитаго друга. Онъ получилъ прозванье Мудраго (Sapiens) за свою любовь къ философіи, а не за обратное взятіе предложеннаго имъ «аграрнаго закона», угрожавшаго народнымъ мятежемъ. Plut. Tib. Gracch. 8. Онъ сопровождалъ Сципіона (147) въ послѣдней карѳагенской экспедиціи и принималъ дѣятельнѣйшее участіе при взятіи гавани Коѳона; съ равнымъ успѣхомъ начальствовалъ въ войнѣ противъ Виріата, въ Испаніи; чрезъ 5 лѣтъ былъ консуломъ и въ возстаніи Гракховъ стоялъ со Сципіономъ за патриціевъ, а въ 131 воспротивился предложенью Папирія Карбона «о вторичномъ избраніи народныхъ трибуновъ» Cic. de am. XX, 96. Демократическая партія на него опрокинулась; но его не поколебала. Cic. Brut. XXI, 84. Его судебныя рѣчи и политическія,

---

ἑλληνικὴν μοῦσαν καὶ παιδείαν ὑπὸ φιλοτιμίας προπιλαιίζων. Самъ Катонъ (какъ видно изъ Plin, N. H. XXIX, 8) думалъ: «satis esse ingenia graecorum inspicere non perdiscere.

его панегирики, напр. Сципіону Эмиліану, свидѣтельствовали о его высокомъ витійствѣ. Cic. de or. II, 84; Quinct. XII, 10. 10. Онъ равнымъ образомъ занимался философіею и стихотворствомъ; комедіи Теренція слыли нѣкоторое время Леліевыми. Противоборствуя предубѣжденью Римлянъ противъ греческой образованности, онъ собралъ около себя общество греческихъ ученыхъ, былъ въ близкихъ отношеньяхъ съ Луциліемъ, Теренціемъ, Целіемъ Антипатромъ. Цицеронъ отчасти характеризуетъ его въ сравненіи со Сципіономъ de rep. I, 12, 18.

Публій Корн. Сципіонъ Эмиліанъ Африканскій младшій (Нумантійскій), усыновленный Публіемъ Сципіономъ, сыномъ Африканскаго старшаго, въ семействѣ послѣдняго, род. въ 185 г., еще 17-лѣтнимъ юношею участвовалъ съ отцомъ въ сраженьи при Пиднѣ; подъ руководствомъ историка Полибія и философа Панеція пріобрѣлъ обширныя свѣдѣнія въ политикѣ и философіи, не измѣняя римской строгости. Въ Испанской войнѣ служилъ трибуномъ, а въ третьей Пунической столько отличился, что избранъ въ консулы (147) прежде опредѣленнаго по закону Виллиеву 43-лѣтняго возраста. По разрушеніи Карѳагена, черезъ 4 года, избранъ цензоромъ; въ 134 счастливо кончилъ тягостную для Римлянъ «Испанскую войну» разрушеньемъ Нумантіи *). Не скрывая своего сочувствія къ народу, онъ возсталъ однако противъ «аграрныхъ законовъ», но когда плебеи увидѣли себя обманутыми въ сво-

---

*) Carthaginis incendiis ad excidia urbium imbutus. Flor. II, 18.

ихъ надеждахъ, онъ едва спасся среди вспыхнувшаго мятежа и на другой день найденъ былъ мертвымъ въ своемъ домѣ. Причиною тайнаго убійства полагаютъ его стремленіе къ диктатурѣ, а виновникомъ подозрѣваютъ Папирія Карбона.

Считаю нужнымъ прибавить нѣсколько словъ объ изданіи моего перевода. Переводы классическихъ писателей—это суть транскрипціи произведеній великихъ маэстро, копіи съ картинъ великихъ живописцевъ. Еслибы можно было въ нихъ допустить гальванопластическую или фотографическую точность, и тогда они не могли бы замѣнить оригиналовъ, такъ какъ музыкальная машина превосходнѣйшаго механизма не замѣняетъ собой живаго исполненья музыкальныхъ піэсъ.

Талантливый переводчикъ конечно передаетъ и духъ автора, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ слѣды собственныхъ возрѣній, и чѣмъ онъ даровитѣе, тѣмъ иногда менѣе подчиняется своему образцу. Между тѣмъ внѣшнія средства прочихъ изящныхъ искусствъ: краски, формы, звуки суть объективныя и общія для всѣхъ вѣковъ и народовъ; слово есть, по преимуществу, органъ субъективный. Языкъ каждаго народа отличается такими свойствами выраженья, такими особенностями, которыя нельзя передать на другихъ языкахъ. И такъ, полезно ли было бы, въ видахъ облегченія учебныхъ курсовъ и реальныхъ цѣлей, закрыть отъ большинства просвѣщающихся сословій весь древній классическій міръ и замѣнить его однѣми моделями, поддѣльными фигурами, разорвать съ нимъ внутреннюю связь и слѣдить за наукой не съ первой точки ея отправленья, а жить чужими трудами, т. е. чужимъ умомъ (jurare in verba magistri)? Не облегченье курсовъ пропусками и сокращеньями, а раціональный ходъ ученья, опытная педагогическая распорядительность и знаніе дѣла; отеческая заботливость, а не поденные наемные труды—вотъ что облегчаетъ и дѣлаетъ пріятнымъ ученье.... Но обращаюсь къ моему изданью. Предлагаемый на судъ просвѣщенныхъ читателей переводъ Цицероновой бесѣды «О старости» ограничивается единственно педагогическою цѣлію и желаніемъ издателя — заохотить къ чтенію оригинала. Это этюдъ съ произведенія великаго художника, творца новой латинской прозы (Schöpfer der modernen lateinischen Prosa — Mommsen) *).

Кстати, еще слово о «старости». Въ наше время довольно громко выразился нѣкоторый антагонизмъ между молодымъ и старымъ поколѣніемъ. Несостоятельность ли нѣкоторыхъ устарѣлыхъ консерваторовъ, появленіе ли юныхъ и слишкомъ скорыхъ прогресистовъ, или неумѣнье примирить извѣстныя противуположности разъединили нѣкоторыя общества. Нерѣдко одна старость была представляема вывѣскою неспособности, а молодыя лѣта ручались за усердіе, ревность и благоуспѣшность дѣла, и часто такого, въ которомъ особенно нужна долголѣтняя опытность. Сѣмена этого разлада, распро-

*) Нужныя примѣчанья, для большой популярности Цицероновой бесѣды, приложены къ тексту, особо мною изданному. *А. З.*

странившагося на многія общественныя и частныя отношенія, принесли не мало горькихъ плодовъ. Да уврачуется этотъ опасный недугъ, да соединятся и старыя и молодыя русскія силы нашихъ Катоновъ и нашихъ молодыхъ Сципіоновъ и Леліевъ въ единое стройное цѣлое, въ единую русскую силу на истинно полезные труды и подвиги для блага нашего отечества!

ГЛАВА I.

Предисловіе автора къ Т. Помпонію Аттику, которому Цицеронъ посвящаетъ бесѣду «о старости». Въ немъ изложены: 1. Поводъ самаго сочиненья, т. е., желанье автора — найти для себя и доставить своему другу нѣкоторое утѣшенье въ тогдашнихъ грустныхъ обстоятельствахъ, а также облегчить перенесенье близкаго или уже наступившаго возраста старости. 2. Избранье Катона главнымъ лицомъ этой бесѣды.

1 «Титъ мой любезный, если въ чемъ тебѣ помогу я,
«Бремя заботъ облегчивши, что тебя сокрушаютъ,
«Въ сердцѣ гнѣздися твоемъ, что мнѣ будетъ наградой?»

Мнѣ можно, Аттикъ, обратиться къ тебѣ съ тѣми же стихами, какими привѣтствуетъ Фламинина

«Оный мужъ, не богатый, но вѣрности полный.»

Хотя мнѣ заподлинно извѣстно, что не слѣдуешь ты примѣру Фламинина и

«Дней и ночей не проводишь въ тоскѣ, Титъ мой любезный»

Знаю я твою душевную умѣренность и постоянство, и разумѣю, что изъ Аѳинъ вывезъ ты не одно прозвище, но образованье и мудрость. Мнѣ

сдается однако, что ты болѣе смущаешься тѣми обстоятельствами, которыя меня самаго, по временамъ, тревожатъ, да утѣшительную о нихъ бесѣду, какъ дѣло болѣе важное, должно предоставить другому времени. Теперь же мнѣ разсудилось написать тебѣ нѣчто о старости. 2. Отъ этого, общаго намъ съ тобою, бремени уже насъ удручающей или, по крайней мѣрѣ, близкой старости, хочу я облегчить и тебя, и себя самаго, хотя увѣренъ, что ее ты съ умѣренностью и мудростью, какъ и все прочее, переносишь и переносить будешь. Когда же я хотѣлъ писать что либо о старости, то всегда ты представлялся мнѣ достойнымъ приношенья, которымъ мы оба вмѣстѣ могли бы пользоваться. Для меня же собственно сочиненье этой книги такъ было пріятно, что не только изгладило всѣ скорби, неразлучныя со старостью; но облегчило и усладило старость. И такъ, не льзя никогда по достоинству восхвалить философію, и кто ей предается, тотъ можетъ проводить безпечально всѣ возрасты жизни. 3. Но о прочемъ мы и многое высказали, и часто говорить будемъ; въ этой же книгѣ, посвященной тебѣ, разсуждаемъ о старости. Всю бесѣду мы приписали не Тиѳону, какъ Аристонъ Кейскій — вѣдь вымыселъ не былъ бы убѣдителенъ; — а Марку Катону старцу, дабы тѣмъ бо́льшій аукторитетъ придать бесѣдѣ. Съ нимъ представили мы Лелія и Сципіона: эти удивляются, какъ легко онъ переноситъ старость, а тотъ имъ отвѣчаетъ. Если же онъ покажется разсуждающимъ ученѣе чѣмъ въ

своихъ книгахъ — припишите это вліянью греческой литературы, къ которой, какъ извѣстно, онъ очень пристрастился въ старости. Нужно ли впрочемъ распространяться далѣе? Бесѣда самаго Катона изложитъ все наше мнѣнье о старости.

ГЛАВА II.

Введенье въ самый разговоръ. Сципіонъ и Лелій удивляются Катону, что онъ не тяготится своимъ преклоннымъ возрастомъ, на который сѣтуютъ многіе старики. Катонъ возражаетъ, что счастье или несчастье зависитъ отъ характера людей, а не отъ ихъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Мудрый долженъ располагать своею жизнію по законамъ природы, которыми условливается старость. Затѣмъ молодые собесѣдники просятъ Катона научить ихъ, какимъ образомъ можно сдѣлать старость сносною, на что онъ изъявляетъ свою готовность.

4. *Сципіонъ.* Очень часто я съ Леліемъ удивляюсь, М. Катонъ, какъ твоей высокой и совершенной мудрости въ прочихъ отношеньяхъ, такъ, или еще гораздо болѣе, что никогда не замѣчалъ тебя тяготящимся старостью, которая для многихъ стариковъ такъ кажется ненавистною, что, по словамъ ихъ, несутъ они бремя, тягчайшее Этны.

Катонъ. Не трудному дѣлу, Сципіонъ и Лелій, вы, кажется, удивляетесь. Кто самъ вовсе не имѣетъ средствъ для доброй и счастливой жизни, тѣмъ всякой возрастъ тяжелъ; напротивъ, ищущимъ въ себѣ самихъ всего добраго ни мало не кажется зломъ то, что неизбѣжно, по закону природы. Сю-

да, по преимуществу, относится старость: всѣ желаютъ до ней дожить; а, доживши до ней, ее же винятъ: такова несостоятельность и несообразность безразсудства! Утверждаютъ, что она скорѣе подкрадывается чѣмъ расчитывали. Вопервыхъ, кто имъ велѣлъ ложно расчитывать? Скорѣе ли старость подкрадывается къ юности, чѣмъ юность къ дѣтскому возрасту? Далѣе, менѣе ли была бы для нихъ тягостна старость, когда бы они доживали до восьмисотаго, а не до восьмидесятаго года? Возрастъ прошедшій, хотя и долгій, но минувшій, никакимъ утѣшеньемъ не могъ бы усладить глупой старости.

5. Апотому, если вы удивляетесь моей мудрости: — еслибы она была достойна вашего добраго мнѣнья и моего прозвища! — то мудрость эта состоитъ въ томъ, что мы послѣдуемъ природѣ, какъ наилучшему вождю и божеству, и ей покоряемся. Да и невѣроятно, что бы она, правильно расположившая періоды нашей жизни, пренебрегла, подобно лѣнивому поэту, послѣднимъ актомъ. А между тѣмъ необходимо быть чему либо послѣднему и, наподобіе древесныхъ плодовъ или произведеній земли, отъ благовременной зрѣлости отжившему и увядающему: мудрецъ долженъ это кротко переносить. Что иное значитъ, по примѣру гигантовъ, воевать съ богами, если не возставать противъ природы?

6. *Лелій*. Однако, Катонъ, ты доставилъ бы намъ величайшее удовольствіе — въ чемъ я ручаюсь и за Сципіона, — когда бы заблаговременно научилъ насъ, питающихъ надежду и, безъ сомнѣнія, желающихъ

дожить до старости — какими способами всего легче можно переносить возрастъ, постепенно тяготѣющій?

Катонъ. Готовъ это исполнить, Лелій, въ особенности, если, какъ ты говоришь, это будетъ для васъ обоихъ угодно.

Лелій. Безъ сомнѣнія, хотимъ, если только тебѣ, Катонъ, какъ бы совершившему нѣкій долгій путь, и намъ неминуемо предлежащій, нетягостно будетъ показать, къ чему ты пришелъ.

ГЛАВА III.

По мнѣнью Катона, жалобы нѣкоторыхъ стариковъ, что старость лишена удовольствій и мало уважается, суть вполнѣ личныя и причина ихъ не въ лѣтахъ, а въ индивидуальныхъ свойствахъ и характерѣ сѣтующихъ. Онъ согласенъ съ Леліемъ, что соединяетъ въ себѣ всѣ условія для счастливой старости — образованность, богатство и знатность — удѣлъ немногихъ; утверждаетъ при томъ, что для счастія стариковъ столько же, и еще болѣе, необходима мудрость. Плодъ мудрости, т. е. жизнь посвященная наукѣ и добродѣтели — вотъ лучшее услажденье преклоннаго возраста.

7. *Катонъ*. Готовъ, по возможности, Лелій. По старинной пословицѣ — «схожіе охотно вмѣстѣ сходятся» — и я часто прислушивался къ жалобамъ моихъ сверстниковъ, въ которыхъ Каій Салинаторъ, Спурій Албинъ, бывшіе консулами, почти мои ровесники, обыкновенно изливали свою скорбь, частью, объ утратѣ удовольствій, безъ которыхъ жизнь считали постылою, частью о пренебреженьи отъ лю-

дей, уваженьемъ которыхъ обыкли пользоваться. По моему, они не на то слагали вину, на что слѣдовало. Еслибы это по причинѣ старости съ ними случилось, то, по порядку вещей, было бы то же со мною и со всѣми прочими пожилыми людьми; а я знавалъ между ними многихъ, которые никогда не роптали на свою старость, которые съ пріятностью чувствовали себя свободными отъ узъ сластолюбія и не были отъ своихъ презираемы. Вина всѣхъ подобныхъ жалобъ заключается въ характерѣ, а не въ преклонномъ возрастѣ. Старики умѣренные, нетяжелые, не эгоисты, проводятъ старость сносную; а взыскательность и эгоизмъ тягостны во всякомъ возрастѣ.

8. *Лелій.* Правда твоя, Катонъ; но вѣдь можетъ кто либо на это сказать, что тебѣ старость кажется болѣе сносною по твоей силѣ, средствамъ и сану, а это не можетъ многимъ доставаться.

Катонъ. Это конечно значитъ что нибудь, но не все. Ѳемистоклъ, въ ссорѣ съ нѣкіимъ Серифійцемъ, утверждавшимъ, что онъ не собственной, а отечества своего знаменитостью прославился, отвѣчалъ: «право, ни я, будучи Серифійцемъ, ни ты, ставши Аѳинянином, ни какъ бы мы не прославились.» То же можетъ быть сказано о старости. И мудрецу, въ крайней бѣдности, старость не можетъ быть легкою, и глупому она, среди полнаго изобилія, не можетъ не быть тягостна. 9. Вообще способнѣйшее оружіе для старости, Сципіонъ и Лелій, суть науки и добродѣтель; совершенствуемыя во всякомъ возрастѣ, онѣ

приносятъ дивные плоды, для людей долго и много пожившихъ, не потому только что никогда не измѣняютъ, ниже въ послѣднее время жизни — а это всего важнѣе; — но потому, что сознаніе честно пройденнаго поприща и воспоминанье многихъ полезныхъ подвиговъ всего утѣшительнѣе.

ГЛАВА IV.

Въ примѣръ счастливаго и заслужившаго общее уваженье старца Катонъ приводитъ Фабія Максима, съ которымъ онъ сблизился въ молодыхъ лѣтахъ.

10. Я въ молодости моей полюбилъ Квинта Максима, старца, того самаго, кѣмъ возвращенъ намъ Тарентъ, и полюбилъ, какъ своего ровесника; ибо въ этомъ мужѣ достоинство смягчалось любезностью и старость не измѣнила его нрава. А зналъ я его еще не въ очень преклонныхъ лѣтахъ, хотя уже пожилымъ человѣкомъ. Черезъ годъ послѣ моего рожденья на свѣтъ, онъ въ первый разъ былъ консуломъ; въ четвертое его консульство я, молодой милитъ, съ нимъ отправился подъ Капую, а пять лѣтъ спустя — подъ Тарентъ. Черезъ четыре года я былъ назначенъ въ квесторы, и должность эту исправлялъ въ консульство Турдитана и Цетега; онъ же, въ старости, явился защитникомъ Цинціева закона «о дарахъ и вознагражденьяхъ.» Въ весьма преклонныхъ лѣтахъ онъ велъ войны какъ молодой воинъ и юно-

шеское молодечество Ганнибала укрощалъ своимъ хладнокровіемъ: прекрасно о немъ, выразился пріятель нашъ Енній:

«Онъ одинъ медленьемъ своимъ спасъ государство.
«Выше общаго блага онъ молвы не ставилъ народной.
«И въ потомствѣ за то слава его возрастаетъ.»

11. Съ какой бдительностью, съ какимъ благоразуміемъ возвратилъ онъ Тарентъ! Я самъ слышалъ его отвѣтъ Салинатору, потерявшему городъ, и, спасаясь въ крѣпости, сказавшему!» Ты, по моей милости, Квинтъ Фабій, возвратилъ Тарентъ.» «Безъ всякаго сомнѣнья,» возразилъ этотъ съ усмѣшкой, «еслибы ты его не потерялъ, то мнѣ бы его ни какъ не возвратить.» Но не болѣе онъ былъ доблестенъ на войнѣ, чѣмъ въ мирѣ: во второе свое консульство, когда сотоварищъ его, Спурій Карвилій, бездѣйствовалъ, онъ, покуда могъ, противуборствовалъ народному трибуну Каію Фламинію, раздѣлявшему, поголовно, вопреки сенатскому опредѣленью, Пиценскія и Галльскія земли и, самъ будучи аугуромъ, смѣло произнесъ, что все то совершается подъ счастливѣйшими знаменьями, что совершается во благо республики; а все, начатое ко вреду республики, начато вопреки знаменій. 12. Много достославнаго я видѣлъ въ этомъ человѣкѣ; но всего удивительнѣе, какъ онъ переносилъ смерть своего сына, мужа знаменитаго, бывшаго консуломъ. Читая похвальное ему слово, которое у всѣхъ въ рукахъ, кому изъ философовъ не предпочтемъ его? Но не для свѣта

только и не въ глазахъ гражданъ былъ онъ великъ; въ домашней и частной жизни онъ отличался еще болѣе. Какой даръ слова! Какая назидательность! какое знанье древности! какое глубокое пониманье аугуральнаго права! Онъ обладалъ даже значительной для римскаго человѣка ученостью: содержалъ въ памяти всѣ не только отечественныя, но и иностранныя войны. Въ то время съ такой жадностью я наслаждался его бесѣдой, будто уже угадывая, какъ въ самомъ дѣлѣ и случилось, что съ его смертью, мнѣ не у кого будетъ учиться.

ГЛАВА V.

Счастье, которымъ наслаждается великій полководецъ, можетъ быть также удѣломъ ученыхъ людей, чему примѣрами служатъ Платонъ, Исократъ, Горгій, Енній. Затѣмъ Катонъ обращается къ главнымъ четыремъ обвиненьямъ противъ старости, а именно: 1) что она препятствуетъ дѣятельности, 2) изнуряетъ тѣло; 3) лишаетъ всѣхъ удовольствій; 4) есть предвѣстница близкой смерти. Онъ намѣренъ разсудить о каждомъ изъ этихъ обвиненій порознь.

13. Къ чему же такъ много я распространяюся о Максимѣ? Къ тому, что — какъ вы вполнѣ убѣждаетесь—грѣшно назвать подобную старость печальною. Конечно не всѣ могутъ быть Сципіоны и Максимы, чтобы вспоминать о покореньи городовъ, о сухопутныхъ и морскихъ битвахъ, о веденныхъ войнахъ, о тріумфахъ. Утѣшительна также и

пріятна старость человѣка, мирно, нравственно и прекрасно совершившаго свое поприще: такою извѣстна намъ старость Платона, который, на восемьдесять первомъ году, умеръ за письмомъ; Исократа, который самъ разсказываетъ, что на девяносто четвертомъ году написалъ похвальное слово, подъ заглавіемъ Панаѳенейскаго (Panathenaicus) и жилъ послѣ того пять лѣтъ; а наставникъ его, Леонтинецъ Горгій, прожилъ сто семь лѣтъ и никогда не прерывалъ своихъ ученыхъ трудовъ и занятій. Когда же его спрашивали, отъ чего ему желалось такой долгой жизни, «мнѣ не за что», отвѣчалъ онъ, «жаловаться на старость.» Прекрасный отвѣтъ, достойный просвѣщеннаго, человѣка!.. Напротивъ того, люди безумствующіе слагаютъ свои недостатки и собственную вину на старость. Такъ не поступалъ Енній, сей часъ нами приведенный:

«Какъ на бѣгахъ олимпійскихъ бодрый конь, побѣждавшій,
«Часто, — старостью днѣесь изнуренный, покоится тихо.

Со старостью бодраго коня побѣдителя сравниваетъ онъ свою собственную: вы должны его очень помнить. На девятнадцатомъ году по смерти его, избраны нынѣшніе консулы, Титъ Фламиній и Маній Ацилій; онъ же умеръ въ консульство Цепіона и вторичное Филиппа. Мнѣ было тогда шестьдесятъ пять лѣтъ; а я не жалѣлъ ни громкаго голоса, ни крѣпкой груди, отстаивая Воконіевъ законъ.

Семидесятилѣтній Енній — ибо онъ столько прожилъ — такъ сносилъ два, по общему мнѣнью, величайшія бремени, бѣдность и старость, что, повидимому, чуть ли не находилъ въ нихъ удовольствія. 15. Тѣмъ не менѣе, соображая это, я нахожу четыре причины, по которымъ старость кажется жалкою. Во первыхъ, она удаляетъ отъ дѣлъ; во вторыхъ, она ослабляетъ тѣло: въ третьихъ, лишаетъ почти всѣхъ удовольствій: въ четвертыхъ, она недалека отъ смерти. Разсмотримъ же, если угодно, сколько каждая изъ этихъ причинъ важна и справедлива.

ГЛАВА VI.

«Старость удаляетъ отъ дѣлъ.» Это относится лишь къ дѣятельности, требующей физическихъ силъ; но важнѣе дѣятельность духовная, которая свойственна старикамъ. Образцами могутъ служить многіе отличнѣйшіе мужи, въ особенности онъ приводитъ Аппія Клавдія, при своей старости, бывшаго слѣпымъ; съ благороднымъ сознаньемъ говоритъ о своихъ заслугахъ. Разсужденья старческія основательнѣе юношескихъ. Это подтверждается не только государственными учрежденьями Рима и Греціи, но исторіею всѣхъ государствъ: молодые люди приводили ихъ въ разстройство, а старики упрочивали.

Старость отвлекаетъ отъ занятія дѣлами? Какими? Не тѣми ли, что свойственны молодымъ людямъ и требуютъ силы? Но развѣ нѣтъ старческихъ занятій, которыя, и при тѣлесной слабости, исправляются разумомъ? Развѣ ничего не дѣлали

Квинтъ Максимъ, Луцій Пауллъ, отецъ твой, Сципіонъ, тесть наилучшаго мужа, моего сына? Другіе старики: Фабрицій, Курій, Корунканій, совѣтомъ своимъ и вліяньемъ защищавшіе республику, ужели ничего не дѣлали? 16. Къ старости Аппія Клавдія прибавилась еще слѣпота; но когда разсужденье сената клонилось къ миру съ Пирромъ и къ заключенью договора, онъ не задумался подать голосъ, выраженный въ стихахъ Еннія:

«Мысль ваша твердо стояла за правду доселѣ:
«Нынѣ куда стремится невѣрной стезей?»

и прочія мнѣнія, энергически высказанныя.... конечно поэма вамъ извѣстна, да уцѣлѣла и рѣчь самаго Аппія. Между тѣмъ онъ такъ дѣйствовалъ чрезъ семнадцать лѣтъ послѣ своего втораго консульства, при десятилѣтнемъ промежуткѣ между обоими, а до перваго онъ служилъ ценсоромъ, откуда очевидно, что въ войну съ Пирромъ былъ преклонныхъ лѣтъ, какъ это подтверждаетъ свидѣтельство нашихъ отцовъ. 17. Слѣдовательно, отрицающіе способность стариковъ къ дѣловымъ занятіямъ ничего не доказываютъ и подобны тѣмъ, которые утверждали бы, что кормчій ничего не дѣлаетъ во время плаванья; ибо, тогда какъ другіе взлѣзаютъ на мачты, суетятся на палубѣ, откачиваютъ воду въ трюмѣ — онъ спокойно, держа руль, сидитъ на кормѣ. Онъ не дѣлаетъ того что юноши, но за то дѣлаетъ наиболѣе важное и лучшее. Не силой, не скоростью и быстротою совершаются великіе подвиги, а совѣтомъ, и разумной

нравственною властью, и волею, — свойства, которыми старость не только не обижена, но обыкновенно преобладаетъ. 18. Въ противномъ случаѣ, самъ я, нѣкогда служившій и милитомъ, и трибуномъ, и легатомъ, и консуломъ, въ войнахъ разнаго рода, могу для васъ казаться празднымъ, потому лишь что не веду войны. Но я указываю сенату что и какъ слѣдуетъ дѣлать, заранѣе угрожаю войной Карѳагену, уже давно злоумышляющему, и не перестану ждать отъ него опасности, пока не увѣрюсь, что онъ разрушенъ.... О если бы безсмертные боги, тебѣ, Сципіонъ, предоставили торжество — довершить недоконченное твоимъ дѣдомъ! Вотъ уже тридцать пятый годъ его смерти; но память онаго мужа перейдетъ во всѣ грядущіе годы. Онъ умеръ за годъ до моего ценсорства, чрезъ девять лѣтъ послѣ моего консульства, въ мое консульство вторично избранный въ консулы. Но если бы онъ дожилъ и до сотаго года, ужели бы тяготился своей старостью? Вѣдь не бѣганье, не гимнастическіе прыжки, не метанье копья вдаль, или дѣйствіе мечемъ противъ близкаго непріятеля занимали бы его, а соображенье, здравый смыслъ и сила воли — были его орудіемъ. Если бы этихъ свойствъ не имѣли старики, то и высшаго совѣта предки наши не назвали бы «собраніемъ старшинъ» (senatus). 20. Равно у Лакедемонянъ, занимающіе высшія правительственныя должности называются и дѣйствительно суть «старики». Станете ли вы читать или слушать исторію другихъ народовъ, вы найдете, что величайшія государства потрясаемы

были юношами, а стариками были поддержаны и возстановлены.

«Какъ это вы свое государство, столь великое, такъ скоро растеряли?»

Спрашиваютъ въ «Игрѣ», піесѣ поэта Невія. Въ отвѣтъ на это между прочимъ сказано:

«Стали являться ораторы новые, пустые юноши»

Безразсудство, какъ видится, свойственно цвѣтущему возрасту, а мудрость степенному.

ГЛАВА VII.

«Старикамъ измѣняетъ память»: эта жалоба также неосновательна. Память, какъ и другія душевныя способности, сохраняется и въ старости, если ее непрестанно упражняютъ; а ученыя занятія можно продолжать до самой смерти, какъ это доказываютъ примѣры многихъ греческихъ писателей. Равномѣрно многіе сельскіе хозяева бываютъ очень дѣятельны въ глубокой старости и не только для своей собственной пользы, но и для своего потомства.

21. *Слабѣетъ память?* Вѣрю, если ея не упражняешь, или обиженъ отъ природы. Ѳемистоклъ зналъ имена всѣхъ своихъ согражданъ, и неужли, полагаете вы, онъ, въ старости, кланяясь Аристиду, звалъ его Лизимахомъ. Съ своей стороны, я не только знаю тѣхъ, которые въ живыхъ; но знаю ихъ отцовъ и дѣдовъ и, читая надгробные памятники,

не боюсь, какъ говорятъ, потерять память. Напротивъ, чрезъ это самое чтенье обновляю умершихъ въ своей памяти. Равно не слыхивалъ я, чтобы кто, по старости, забылъ мѣсто, гдѣ зарылъ сокровище. Старики помнятъ все для нихъ интересное, помнятъ срочныя поручительства, имъ данныя, или для нихъ обязательныя. 22. А старики правовѣды, великіе понтифексы, аугуры, философы — какъ много они помнятъ! Способности стариковъ сохраняются, лишь бы они не теряли дѣятельной любознательности, и это справедливо не только по отношенью къ людямъ знатнымъ и высоко поставленнымъ, но также въ частной и мирной жизни.

Софоклъ до глубокой старости писалъ трагедіи и, по любви къ поэзіи, казалось, небрегъ о домашнихъ дѣлахъ. За это онъ призванъ былъ къ суду своими сыновьями, которые требовали, чтобы, какъ, по нашему обычаю, отцамъ, дурно распоряжающимся въ семейномъ быту, воспрещаютъ управлять имуществомъ, и его, въ качествѣ безумнаго, отстранить отъ домашнихъ дѣлъ. Тутъ старецъ, прочитавъ, какъ разсказываютъ, предъ судьями свою трагедію «Эдипъ колонскій», бывшую у него въ рукахъ и лишь предъ этимъ написанную, спросилъ: можно ли ее признать произведеньемъ безумнаго? Прочитавши ее, онъ былъ оправданъ приговоромъ судей. 23. И такъ, ужели въ этомъ Софоклѣ, ужели въ Гомерѣ, Гезіодѣ, Симонидѣ, Стесихорѣ; ужели въ прежде приведенныхъ: Исократѣ, Горгіѣ, въ царяхъ философахъ: Пиѳагорѣ, Демок-

ритѣ, ужели въ Платонѣ, Ксенократѣ, наконецъ въ Зенонѣ, Клеанѳѣ или въ Діогенѣ — стоикѣ, котораго и вы недавно видѣли въ Римѣ, ужели въ нихъ старость охладила любовь къ ихъ *благороднымъ* занятіямъ? 24. Въ душѣ ихъ ученая дѣятельность не была ли тожественна съ жизнью? Впрочемъ, чтобы оставить это божественное призванье, мы указать можемъ на римскихъ землевладѣльцевъ въ Сабинской области, моихъ сосѣдей и пріятелей, безъ которыхъ не происходятъ никакія значительныя полевыя работы, ни посѣвъ, ни собиранье и уборка плодовъ. Хотя въ другихъ отношеньяхъ это неудивительно — ибо нѣтъ столь дряхлаго старика, который бы не расчитывалъ прожить еще годъ; — но старики трудятся также надъ тѣмъ, чѣмъ они навѣрное не будутъ пользоваться.

«Сѣятъ деревья, — плоды ихъ соврѣютъ другимъ поколѣньямъ»

говоритъ нашъ Стацій въ своихъ «Молодыхъ сверстникахъ» (Synephebi). Не задумается и земледѣлецъ, престарѣлый, спрашивающему: для кого онъ сѣетъ? отвѣчать: для безсмертныхъ боговъ, опредѣлившихъ, чтобы я не только наслѣдовалъ это отъ предковъ, но и передалъ потомству.»

382749.

ГЛАВА VIII.

Послѣ нѣкоторыхъ критическихъ замѣчаній на поэта Цецилія, Цицеронъ заключаетъ изъ предъидущихъ VI и VII главъ, что старость не препятствуетъ обычной духовной дѣятельности, что иногда старики находили новое поприще для дѣятельности; Солонъ, Сократъ и самъ Катонъ въ старости изучали много новаго.

25. Вѣрнѣе судитъ Цецилій о старикѣ, пекущемся для будущаго поколѣнья, чѣмъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Право, старость, ежели ты съ собой не приносишь
«Большаго зла, — того ужь довольно: съ твоимъ приближеньемъ
«Долго живущіе видятъ — чего бъ не хотѣлось имъ видѣть.»

А много, можетъ статься, и такого, что желательно! Вѣдь и молодые люди нерѣдко иное встрѣчаютъ противъ желанья. А далѣе тотъ же Цецилій говоритъ еще ошибочнѣе:

«Въ старости мнѣ величайшимъ кажется горемъ —
«Знать, что съ лѣтами другимъ я несносенъ.»

26. Нѣтъ, скорѣе пріятенъ чѣмъ несносенъ. Если юноши, одаренные добрыми свойствами, радуютъ мудрыхъ старцевъ; если старость молодѣетъ уваженьемъ и любовію юношей, — эти въ свою очередь

находятъ удовольствіе въ наставленіяхъ стариковъ, руководимые ими въ любви къ добродѣтели: я убѣжденъ, что я вамъ любезенъ не менѣе чѣмъ вы мнѣ. Вы видите, что старые люди не только не перестаютъ дѣйствовать, не коснѣютъ; но и всегда въ хлопотахъ, всегда что-либо дѣлаютъ или затѣваютъ — къ чему, разумѣется, въ прежніе годы имѣли склонность. Что сказать о тѣхъ, которые еще продолжаютъ учиться? Такъ, видимъ мы похваляющагося въ своихъ стихахъ Солона, который говоритъ о себѣ, что, ежедневно пріумножая свои знанья, онъ старѣетъ; я то же сдѣлалъ, въ старости изучивъ греческую литературу, и за нее съ такой жадностью принялся, будто стремясь утолить долгую жажду, что мнѣ знакомы стали тѣ самые факты, которые, какъ видите, теперь предъ вами привожу для примѣра. Узнавши, что Сократъ то же самое дѣлалъ для киѳары, я хотѣлъ было и въ этомъ успѣть — ибо древніе учились играть на киѳарѣ, — но по крайней мѣрѣ потрудился для литературы.

ГЛАВА IX.

Во вторыхъ, противъ ослабленья старческихъ силъ возражаетъ Катонъ, что не должно и желать того, что кому несвойственно; а для людей мыслящихъ и разсудительныхъ тѣлесная сила не есть главное достоинство. Оратору тѣлесная слабость конечно препятствуетъ сильнѣе дѣйствовать на своихъ слушателей; но за то онъ можетъ имѣть на своей сторонѣ другія преимущества. Не являясь на народной трибунѣ, онъ однако можетъ быть полезенъ въ тѣснѣйшемъ кругу и, поучая молодое поколѣнье, украшать тѣмъ свой возрастъ. Наконецъ старики, нравственно жившіе въ своей молодости, не чувствуютъ крайняго упадка своихъ силъ.

27. Теперь равно не желаю я юношескихъ силъ — обстоятельство, поставленное вторымъ обвиненьемъ старости — не желаю столько же, сколько, будучи юношей, не завидовалъ силамъ вола или слона. Подобаетъ пользоваться тѣмъ, что есть и, чѣмъ бы ни занимался, дѣйствовать сообразно съ своими средствами. Можетъ ли что быть презрительнѣе словъ Милона Кротонскаго, который, уже въ старости, видя боровшихся на сценѣ атлетовъ и посмотрѣвъ на свои руки, въ слезахъ воскликнулъ: «а эти уже замерли.» По истинѣ не столько руки, сколько ты, безумецъ. Ты не самъ собою прославился, а своей грудью и мышцами. Ничего такого не обнаруживалъ Секстъ Элій, ни, за много лѣтъ прежде, Тиберій Корунканій, ни ближайшій къ намъ

по времени Публій Крассъ, опредѣлявшіе права своихъ согражданъ, сохранившіе свой свѣтлый умъ до послѣдняго вздоха. 28. Страшно мнѣ за оратора, что онъ изнемогаетъ въ старости; ибо для его призванья потребны не однѣ душевныя силы, а грудь и тѣлесная крѣпость. При всемъ томъ, нѣчто пѣвучее непонятнымъ образомъ блеститъ и въ голосѣ старика, чего, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ я не утратилъ; а вы видите мои годы. Во всякомъ случаѣ умѣстно спокойно — тихое старческое слово: отчетливая и кроткая бесѣда краснорѣчиваго старца весьма часто собираетъ ему слушателей. А если она самому не подъ силу, то можешь послужить урокомъ Сципіону и Лелію. Что этого пріятнѣе, какъ видѣть старика въ кругу любознательнымъ юношей! 29. Уже ли мы на долю старости не оставимъ и столько силъ, чтобы поучать молодое поколѣнье, вразумлять и руководствовать къ исполненью всѣхъ обязанностей своего призванья? Что достославнѣе такого занятія! Для меня, по истинѣ, Кней и Публій Сципіоны и твои оба дѣда, Луцій Эмилій и Публій Африканъ, сопровождаемые толпою благородныхъ юношей, казались счастливцами, да и всѣ наставники свободныхъ наукъ не могутъ не считаться благополучными, хотя бы ихъ силы увяли и имъ измѣнили. Между тѣмъ этотъ самый упадокъ силъ чаще бываетъ слѣдствіемъ злоупотребленья молодыхъ лѣтъ, чѣмъ старости. Сластолюбивая и невоздержная юность передаетъ позднимъ годамъ изнеможенное тѣло.

30. Такъ Киръ, у Ксенофонта, бесѣдуя передъ кончиной, уже въ глубокой старости, не признаетъ, чтобы, съ лѣтами, онъ чувствовалъ себя слабѣе, нежели какимъ былъ въ молодости. Я, еще ребенкомъ, помню Луція Метелла: избранный черезъ четыре года послѣ втораго своего консульства въ великіе понтифексы и двадцать два года начальствовавшій въ этомъ званіи, онъ чувствовалъ себя столь крѣпкимъ въ послѣднее свое время, что никогда не жалѣлъ о юности. Мнѣ вовсе нѣтъ нужды разсказывать про себя самаго, хотя это свойственно старикамъ и дозволяется нашему возрасту.

ГЛАВА X.

Катонъ приводитъ въ примѣръ Нестора, который, уже въ глубокой, старости былъ очень полезенъ Грекамъ въ Троянской войнѣ; а потомъ снова распространяется о своей полезной дѣятельности. Конечно старики уступаютъ молодымъ людямъ въ здоровьи и крѣпости, но и юноши не всѣ въ равной степени оными пользуются; каждый довольствуйся своимъ удѣломъ. Употребляя и упражняя свои силы надлежащимъ образомъ, можно ихъ сохранить въ той мѣрѣ, которая опредѣлена естественными законами.

31. Не видители вы у Гомера, какъ часто Несторъ разглагольствуетъ о своихъ доблестяхъ? Онъ переживалъ третье поколѣнье людей и, говоря о себѣ правду, не боялся слыть черезъ чуръ назойливымъ или болтливымъ. Изъ устъ его, по выраженью

Гомера, «текла рѣчь сладчайшая меда», и для этой пріятности ему не нужны были тѣлесныя силы. Между тѣмъ оный вождь Греціи нигдѣ не желаетъ имѣть десятерыхъ, подобныхъ Аяксу, а десятерыхъ Несторовъ, и не сомнѣвается, если бы это осуществилось, въ скоромъ паденіи Трои.

32. Возвращаюсь къ себѣ самому. Мнѣ восемьдесять четвертый годъ, и я хотѣлъ бы тѣмъ же похвалиться чѣмъ Киръ; но могу только сказать: не тѣ у меня силы, съ какими я милитомъ сражался въ Пуническую войну, съ какими, въ ту же войну, служилъ квесторомъ, или консуломъ въ Испаніи, или, спустя четыре года, въ званіи военнаго трибуна, сражался подъ Ѳермопилами, въ консульство Манія Глабріона, — однако же, какъ видите, старость не вовсе меня ослабила и изнурила: не напрасно требуютъ моихъ силъ курія, ростра, друзья, кліенты, гости. Никогда не сочувствовалъ я той старинной хваленой пословицъ, совѣтующей «заблаговременно старѣться, если хочешь долго жить старикомъ.» Я напротивъ предпочелъ бы не столь долго быть старикомъ, чѣмъ быть имъ преждевременно. И такъ, до сихъ поръ, никому изъ желавшихъ имѣть ко мнѣ доступъ, я не отказывалъ, подъ предлогомъ занятій. 33. Пусть любой изъ васъ крѣпче меня силами: да и вы не имѣете же силъ центуріона Тита Понтія; неужели однако онъ по этому и превосходнѣе? Бережливо пользуйся силами, не напрягай ихъ черезчуръ — и не будешь чувствовать особенной въ нихъ надобности. На Олимпійскихъ играхъ, Милонъ, какъ

говорятъ, прошелъ цѣлую стадію съ живымъ быкомъ на плечахъ; такъ болѣе ли желать обладанья этой тѣлесной силой, или геніальныхъ способностей Пиѳагора? Словомъ, пользуйся тѣмъ добромъ, пока оно есть, а когда его не станетъ не сокрушайся о немъ: иначе юноши должны жалѣть о ребячествѣ, а достигшіе зрѣлаго возраста — о юности. Теченье жизни опредѣлено и одинъ путь природы, путь простой; равно назначена своя пора каждому возрасту, такъ что ребяческая слабость, юношескій жаръ, твердость степеннаго мужества и зрѣлая старость — все это въ порядкѣ вещей и въ свое время неизбѣжно должно наступить.

34. Вѣроятно, Сципіонъ, доходитъ до тебя слухъ, что теперь дѣлаетъ дѣдовскій твой гость, нынѣ уже девяностолѣтній Масинисса: отправясь въ путь пѣшкомъ, онъ не садится на коня; поѣхавши верхомъ, съ коня не сходитъ; ни сильный дождь, ни холодъ не мѣшаютъ ему быть съ открытой головой; въ высшей степени бодрый тѣломъ, онъ исполняетъ всѣ царскіе труды и обязанности. И такъ упражненіе и умѣренность и въ старости могутъ сберечь нѣкоторую долю прежней крѣпости.

ГЛАВА XI.

Старики имѣютъ довольно силъ для исполненья обязанностей, ихъ возрасту свойственныхъ; если же встрѣчаются примѣры противнаго, то причиною бываетъ слабое здоровье въ молодыхъ лѣтахъ, когда особенно должно его укрѣплять постояннымъ упражненьемъ и дѣятельностью. Въ образецъ Катонъ снова приводитъ Аппія Клавдія и себя самаго.

35. *Старость безсильна.* Да отъ старости и не требуется силы. И по законамъ и по обычаямъ, возрастъ нашъ изъятъ отъ тѣхъ обязаностей, которыя безъ тѣлесныхъ силъ неудобоисполнимы. Слѣдовательно мы не только не обязываемся къ тому чего не можемъ, но и къ тому сколько можемъ. Правда, бываютъ старики до того немощные, что не только не въ состояніи нести какую либо обязанность, но даже не удовлетворяютъ условіямъ жизни: да вѣдь это не есть покоръ старости, а касается вообще здоровья.

Какъ былъ немощенъ сынъ Публія Африкана, тебя усыновившій, какимъ плохимъ здоровьемъ онъ пользовался, или, справедливѣе, былъ во все болѣзненный! Не будь этого — онъ явился бы вторымъ свѣтиломъ Рима; ибо съ отцовскимъ великодушіемъ соединялъ обширнѣйшее образованье. Чему-же послѣ того дивиться въ старикахъ, если они иногда и немощны,— вѣдь и юноши не избѣгаютъ той же

участи. 36. Должно противуборствовать старости, Лелій и Сципіонъ, и ея недостатки уравновѣшивать дѣятельностью; должно съ ней бороться какъ съ недугомъ; должно заботиться о здоровьи: умѣренно упражнять тѣло, ѣсть и пить не болѣе сколько нужно для освѣженья силъ, а отнюдь не для отягощенья. При томъ, надобно радѣть не о тѣлѣ только, но гораздо болѣе о сердцѣ и разумѣ: они, въ старости, подобно свѣтильнику неоживленному каплями елея, гаснутъ. Тѣло изнуряется отъ упражненій, его утомляющихъ, — духъ отъ упражненья укрѣпляется. Цецилій, говоря о пошлыхъ комическихъ старикахъ, разумѣетъ стариковъ легковѣрныхъ, безпамятныхъ, развратныхъ, — пороки, свойственные не старости вообще, а лѣнивой, невѣжественной и сонливой старости. Какъ легкомысліе, сластолюбіе не составляютъ отличительнаго характера всѣхъ юношей, а лишь юношей развратныхъ, такъ и приведенное выше старческое слабоуміе, обыкновенно называемое сумасбродствомъ, есть свойство малодушныхъ, а не всѣхъ стариковъ. 37. Семействомъ изъ четырехъ цвѣтущихъ сыновей и пяти дочерей, при большомъ хозяйствѣ и многочисленныхъ кліентахъ, распоряжался Аппій и слѣпой, и старый; потому что духъ его, напряженный подобно луку, не ослабѣвалъ подъ бременемъ лѣтъ. Всѣхъ своихъ домочадцевъ сдерживалъ онъ не только авторитетомъ, но и властью: его боялись рабы, уважали дѣти, всѣ вообще любили; въ домѣ этомъ господствовали отеческіе обычаи и порядки.

38. Такъ честна старость, если сама за себя стоитъ; если ни предъ кѣмъ не подчиняется, если до послѣдняго издыханья правитъ своими. Хвалю юношу, въ которомъ есть что-то старческое, и старика, въ которомъ есть нѣчто юношеское. Слѣдуя такому правилу, состарѣешься тѣломъ, а не духомъ. У меня подъ руками седьмая книга моихъ «началъ»; я собираю всѣ памятники древности; изъ всѣхъ замѣчательныхъ дѣлъ, которыя защищалъ, теперь особенно обработываю рѣчи; излагаю права аугуральное, понтификальное, гражданское; я очень занятъ греческой литературой и, слѣдуя пиѳагорейскому обычаю въ упражненьи памяти, все что въ теченіи дня говорилъ и слышалъ или дѣлалъ, соображаю вечеромъ.

Таковы умственныя упражненья, таково поприще мысли: проходя оное въ потѣ лица и трудахъ, я не очень тужу о тѣлесныхъ силахъ. Я пособляю друзьямъ; часто посѣщаю сенатъ; по усмотрѣнью своему, предлагаю вопросы, долго и зрѣло обдуманные, и отстаиваю ихъ не тѣлесными, а душевными силами. Если же бы ничего этого я не могъ дѣлать, то находилъ бы удовольствіе обдумывать на своей постелѣ, чего осуществить не въ силахъ болѣе; а если я еще могу, это есть слѣдствіе прежней моей жизни. Живущему постоянно въ подобныхъ занятіяхъ и трудахъ незамѣтно, когда подкрадывается старость; такъ постепенно и нечувствительно человѣкъ старѣетъ и не вдругъ разрушается, а отъ долговременности угасаетъ.

ГЛАВА XII.

Разборъ третьяго обвиненья старости, а именно, что она лишаетъ почти всѣхъ удовольствій. Если подъ этимъ разумѣютъ сластолюбіе, то такое лишенье скорѣе можетъ быть заслугой нежели причиной порицанья. Сластолюбіе есть опаснѣйшій врагъ разума и добродѣтели, ведетъ ко всякимъ постыднымъ дѣйствіямъ и покрываетъ срамомъ сластолюбцевъ. Катонъ припоминаетъ, что онъ самъ былъ вынужденъ исключить изъ сената сенатора-консула Луція Фламинія.

39. *Слѣдуетъ третье порицаніе старости*: говорятъ, что она лишена чувственныхъ удовольствій. О прекрасное условіе возраста, который удаляетъ отъ насъ то что и въ юности всего порочнѣе! Внемлите, доблестные юноши, древнее слово Архиты Тарентскаго, величайшаго и знаменитѣйшаго мужа, переданное мнѣ еще въ моей юности, въ бытность мою въ Тарентѣ съ Квинтомъ Максимомъ. «Нѣтъ болѣе пагубной чумы, говорилъ онъ, какъ похоть, по природѣ человѣку свойственная; страсти, жаждущія ея удовольствій, дерзко и необузданно влекутся къ вожделѣнью. 40. Въ ней зараждаются измѣны отечеству, государственные перевороты, скрытыя сношенья съ врагами; нѣтъ злодѣйства, нѣтъ преступленья, къ покушенью на которое не побуждало бы любострастіе; блудъ и прелюбодѣянье и весь подобный срамъ ни чѣмъ инымъ не обольщаютъ какъ приманками сластолюбія. Если природа или какое божество не

дали человѣку ничего возвышеннѣе разума, то нѣтъ ничего болѣе враждебнаго этому дару и способности какъ вожделѣнье. Гдѣ преобладаетъ плоть, тамъ нѣтъ мѣста воздержанью; въ царствѣ страстей не можетъ поселиться добродѣтель. 41. Дабы это лучше понять, совѣтовалъ онъ вообразить себѣ человѣка, одержимаго сильнѣйшею страстью, какую только можно себѣ представить, и несомнѣннымъ для всякаго полагалъ, что, подъ ея обаяніемъ, нельзя ни разсуждать, ни соображать, ни прійдти къ какому-нибудь умозаключенью. Вотъ почему всего отвратительнѣе, всего пагубнѣе похоть, и еслибъ она сильнѣе и дольше продолжалась, то угасила бы всякій свѣтъ разума.» Такую бесѣду Архиты съ Каіемъ Понтіемъ Самнитомъ, отцемъ побѣдившаго въ Кавдинскомъ сраженіи консуловъ Спурія Постумія и Тита Ветурія, передалъ Неархъ Тарентскій, нашъ гость, постоянный другъ Римскаго народа,—бесѣду, по увѣренію его, слышанную имъ отъ стариковъ и происходившую въ присутствіи Платона Аѳинскаго, посѣтившаго Тарентъ, какъ явствуетъ, въ консульство Луція Камилла и Аппія Клавдія.

42. Къ чему все это? Къ доказательству того, что, еслибы, по разсудку и мудрости, мы не презирали похотью, то мы очень были бы благодарны старости, заставляющей не плѣняться тѣмъ чѣмъ не слѣдуетъ. Любострастіе мѣшаетъ совѣту, враждуетъ противъ разсудка, ослѣпляетъ, такъ-сказать, и сердечныя очи и ничего не имѣетъ общаго съ добродѣтелью. Не хотя поступилъ я, когда исключилъ

изъ сената Луція Фламинина, — брата доблестнѣйшему Титу Фламинину, — чрезъ семь лѣтъ послѣ его консульства; но я счелъ обязанностью заклеймить любострастіе; ибо, консульствуя въ Галліи, онъ, на пиру, по просьбѣ своего любимца, приказалъ обезглавить одного изъ узниковъ, осужденныхъ за преступленье. Въ цензорство своего брата Тита, моего непосредственнаго предшественника, онъ ускользнулъ; но ни я, ни Флаккъ—мы не могли одобрить такую преступную и позорную страсть, которая къ личному сраму присоединяла безславіе государственной власти.

ГЛАВА XIII.

Также разсуждалъ о сластолюбіи Фабрицій съ своими друзьями и потому желалъ, чтобы ему предавались враги его отечества, и чрезъ то легче были побѣждаемы. Что касается удовольствій стола; то конечно старики не могутъ позволять себѣ излишества, но за то и не подвергаются вреднымъ послѣдствіямъ невоздержанья. Напротивъ они не чужды умѣренныхъ удовольствій, въ особенности доставляемыхъ умѣренными бесѣдами.

Часто я слышалъ отъ стариковъ, а тѣ, въ ребячествѣ, слышали, въ свою очередь, отъ дѣдовъ, что Кай Фабрицій, бывши посланникомъ при царѣ Пиррѣ, съ удивленьемъ слышалъ разсказъ Ѳессалійца Кинеаса о нѣкоемъ Аѳинянинѣ, который выдавалъ себя за мудреца и утверждалъ однако, что всѣ наши дѣйствія имѣютъ цѣлію удовольствіе. Слушая это, Маній Курій и

Тиберій Корунканій обыкновенно выражали желанье, чтобы въ этомъ убѣдилъ онъ Самнитянъ и самого Пирра, дабы они, предавшись сластолюбію, легче могли быть побѣждены. Маній Курій жилъ въ пріязни съ Публіемъ Деціемъ, который, за пять лѣтъ до его консульства, въ четвертый разъ исправляя эту должность, пожертвовалъ жизнію за отечество. Зналъ его Фабрицій, зналъ Корунканій, утверждавшіе, какъ по опытамъ жизни, такъ и подвигу помянутаго Децiя, что есть нѣчто, по своей природѣ, прекрасное и великое, къ чему устремляетъ насъ внутреннее убѣжденье, и чему послѣдуютъ всѣ избранники, презрѣвшіе и отвергнувшіе сластолюбіе.

44. Зачѣмъ такъ распространяюсь о любострастіи? Затѣмъ, что не только не порицать, но должно превозносить хвалами старость, какъ возрастъ, не ищущій жадно никакихъ наслажденій. Она обходится безъ пиршествъ, безъ пышныхъ столовъ и частыхъ бокаловъ; но за то избѣгаетъ пьянства, пресыщенья и безсонныхъ ночей. Если же случается уступить отчасти удовольстію, такъ какъ мы нелегко противимся его обаянью, — Платонъ угожденіе чувствамъ прекрасно называетъ приманкой бѣдъ, ибо ею люди уловляются подобно рыбамъ, — то старость, чуждаясь пресыщенья, можетъ услаждать себя умѣренною трапезой. Въ ребячествѣ моемъ я часто видалъ одержавшаго первую морскую побѣду надъ Пунами, старца Каія Дуилія, сына Марка, возвращавшагося съ ужиновъ: онъ утѣшался яркимъ огнемъ факеловъ и флейтщиками, которыхъ, живя уже частнымъ человѣкомъ, не въ примѣръ другимъ, бралъ съ собою: на такую вольность давали право заслуги.

45. Но оставляя другихъ, обращаюсь къ себѣ. Сначала у меня всегда бывали сочлены братства. Братства же (sodalitates) образовались послѣ введенья въ Римѣ Идейскаго культа Великой Матери, въ мое квесторство. Съ собратами и я всегда впрочемъ обѣдывалъ умѣренно, хотя и подъ вліяніемъ пылкой юности; но съ лѣтами все со дня на день стихаетъ. Впрочемъ самыя пріятности этихъ столовъ измѣрялъ я не столько чувственными удовольствіями, сколько сообществомъ друзей и ихъ разговоромъ. Братскую трапезу предки наши очень вѣрно назвали *бесѣдою* (convivium), лучше нежели у Грековъ, которые именовали ее «попойкой» (compotatio), или «столованіемъ» (concenatio), какъ бы придавая бо́льшую важность тому что въ этомъ отношеньи всего менѣе значитъ.

ГЛАВА XIV.

Не яства и вина, а размѣнъ мыслей и бесѣда съ друзьями увеличили для Катона съ лѣтами интересъ пиршествъ. Старость неспособна къ чувственнымъ удовольствіямъ; но какъ она ихъ не ищетъ, то и не испытываетъ лишеній. Выше всѣхъ чувственныхъ наслажденій представляется благороднѣйшее удовольствіе — любовь къ наукамъ и поэзіи, возрастающая съ лѣтами

46. Дѣйствительно, ради пріятной бесѣды, я люблю благовременную трапезу, и не только съ моими ро-

весниками, уже весьма немногими, — но и съ людьми вашихъ лѣтъ, и съ вами: и очень благодаренъ старости, которая усилила мою страсть къ бесѣдѣ и охладила вкусъ къ питью и яствамъ. Если же иному и это нравится, то, чтобы не считали меня гонителемъ чувственныхъ удовольствій, условливаемыхъ, можетъ-быть, нѣкоторымъ естественнымъ побужденьемъ, я не думаю, чтобы старость вовсе не ощущала этихъ пріятностей. Я, по истинѣ, люблю установленныя предками магистеріи, и слово, которое, по обычаю предковъ, произноситъ распорядитель съ бокаломъ, — и бокалы, по примѣру Ксенофонтова симпосія, мелкіе, подобно каплямъ росы освѣжающіе; люблю лѣтнюю прохладу; или въ свою очередь солнце или каминъ зимою. Все это я позволяю себѣ въ своемъ сабинскомъ убѣжищѣ и ежедневно приглашаю полное число сосѣдей къ своему столу, который, по возможности, продолжаемъ до поздней ночи, въ разнообразной бесѣдѣ. 47. Старики не испытываютъ какъ бы столь сильнаго чувственнаго щекотанья: согласенъ, но они и не желаютъ его; а вѣдь вовсе не трудно обойдтись безъ того, чего и не желаешь.

Хорошо отвѣчалъ Софоклъ на вопросъ одного уже престарѣлаго человѣка: «позволяетъ ли онъ себѣ половыя удовольствія?» «Боже избави,» сказалъ онъ, «я съ радостью бѣжалъ отъ нихъ, какъ отъ грубаго и бѣшенаго повелителя.» Жаждущимъ чувственныхъ утѣхъ, можетъ-быть, лишенье тягостно и несносно; вкусившимъ и насладившимся пріятнѣе безъ нихъ обходиться чѣмъ ими пользоваться. Но какъ не желающій

не чувствуетъ лишенья, то я утверждаю, что не желать пріятнѣе. Если же добрый возрастъ самыми этими удовольствіями охотнѣе пользуется, то, во-первыхъ, какъ было сказано, пользуется ничтожными вещами; а наконецъ такими, которыми, если и не щедро располагаетъ старость, то и не совсѣмъ ихъ лишена. Какъ Турпіономъ Амбивіемъ больше восхищается зритель, сидящій въ переднихъ рядахъ, а восхищается однако и сидящій въ послѣднихъ: такъ молодость, смотря на близкія къ ней удовольствія, можетъ-быть, больше радуется; но ими любуется и старость въ надлежащей мѣрѣ, издали. 49. За то, какъ драгоцѣнно для души то состояніе, когда, какъ бы отслужа опредѣленные годы сластолюбію, честолюбію, ревности, враждѣ и всѣмъ страстямъ, остаешься самъ съ собой и живешь, какъ говорится, самъ по себѣ.... Если же старость сверхъ того находитъ, такъ-сказать, пищу въ любознательности и наукѣ, то конечно нѣтъ ничего пріятнѣе досужливой старости. Мы видѣли, Сципіонъ, друга твоего отца, Каія Галла, ревностно желавшаго какъ бы вымѣривать небо и землю! Сколько разъ заставалъ его день, начавшаго что-либо чертить ночью, а ночь — сѣвшаго за работу съ утра! Съ какимъ восторгомъ онъ предсказывалъ задолго солнечныя и лунныя затмѣнья! 50. Что прибавить о занятіяхъ болѣе легкихъ, но остроумныхъ! Какъ восхищался своею «Пуническою войной» Невій, Плавтъ — своимъ «Трукулентомъ», своимъ «Псевдоломъ!» Видѣлъ я старца Ливія Андроника, который, за шесть

лѣтъ до моего рожденья, давалъ на театрѣ драму, въ консульство Центона и Тудитана и прожилъ до поры моего мужескаго возраста. Что сказать о занятіяхъ Публія Лициніія Красса жреческимъ и гражданскимъ правомъ, или нашего Сципіона, который, на дняхъ, избранъ въ званье великаго Понтифекса? А мы свидѣтели, что всѣ помянутые нами и въ старости пламенно любили свои ученыя занятія. Маркъ Цетегъ справедливо названъ у Еннія «мозгомъ витійства»: съ какимъ рвеніемъ, на нашихъ глазахъ, уже въ старости, занимался онъ краснорѣчіемъ! И такъ, какія наслажденья на пирахъ, играхъ или въ распутствѣ можно сравнить съ этими наслажденьями? А вѣдь эти ученыя занятія для умныхъ и просвѣщенныхъ людей растутъ вмѣстѣ съ лѣтами, — и Солону дѣлаетъ честь его мысль, выраженная въ одномъ стишкѣ и мной уже приведенная, а именно, что онъ старѣетъ съ каждымъ днемъ, учася многому: выше этого душевнаго удовольствія, по истинѣ, никакое другое быть не можетъ.

ГЛАВА XV.

Много пріятностей доставляютъ, по крайней мѣрѣ самому Катону, земледѣліе не ради выгодъ, отъ него получаемыхъ, нѣтъ—наблюденье производительной силы самой земли, ростъ и развитіе растеній и разнообразныя пріятныя сельскія занятія, вотъ чѣмъ преимущественно наслаждаются любители сельскаго хозяйства

51. Приступаю теперь къ сельскимъ удовольствіямъ, которыми, до невѣроятности, услаждаюсь,

которыя не нарушаются никакими лѣтами, и, по моему мнѣнью, всего ближе подходятъ къ жизни мудраго. Поселяне имѣютъ дѣло съ землею, всегда покорною власти, никогда не возвращающею безъ процентовъ ввѣреннаго ей; но иногда съ малою, а чаще съ большою прибылью.

Меня, впрочемъ, радуетъ не прибыль только, а вмѣстѣ производительность и натура самой земли. Принявъ въ свои распаханныя и размягченныя нѣдра брошенное сѣмя, она, во первыхъ, его боронитъ, скрывая отъ глазъ, помощію бороньбы, получившей отъ того свое названіе. Далѣе ея теплотой и давленьемъ согрѣтое, оно лопается и пускаетъ зеленый ростокъ, который, утверждаясь на корневыхъ нитяхъ, постепенно ростетъ, и поднимаясь въ видѣ колѣнчатой трубочки, прячется въ своей оболочкѣ, уже какъ бы мужая, а потомъ, освобождаясь изъ нея, развиваетъ плодъ, расположенный правильно въ видѣ колоса и огражденный отъ потравы мелкихъ птицъ колосяною остью. 52. Упоминать ли о насажденіи, разведеньи и ростѣ винограда? Не могу вполнѣ выразить мое восхищенье, дабы дать вамъ понятіе, въ чемъ состоитъ отрада и удовольствіе моей старости. Умалчиваю о внутренней жизни всего, что рождается изъ земли отъ столь малаго зернушка смоквы или изъ виноградной косточки, или изъ мельчайшихъ сѣмянъ прочихъ плодовъ и кустовъ развиваетъ столь огромные стволы и вѣтви: черенки, отводки, вѣтки, ростки, новые побѣги своею растительностію

не возбуждаютъ ли въ каждомъ восторгъ удивленья? Виноградная лоза, хилая по своей природѣ, безъ подпоры клонится къ землѣ; но, чтобы приподняться вверхъ, хватается своими завитками, на подобіе рукъ, и заключаетъ въ свои объятія все, до чего достаетъ; если же она разрастается въ разныхъ прихотливыхъ направленіяхъ, то искусство виноградаря обрѣзываетъ ее садовымъ ножомъ, дабы она не одичала въ своихъ побѣгахъ и не слишкомъ разрослась во всѣ стороны. 53. Далѣе, съ наступленьемъ весны, на оставленныхъ частяхъ, при сочлененьи вѣтокъ, распускается такъ-называемая почка, изъ которой зарождается гроздъ; развиваясь отъ земной влаги и солнечнаго жара, онъ, сначала горькій вкусомъ, постепенно зрѣя, дѣлается слаще и подъ прикрытіемъ листьевъ пользуется умѣренною теплотой и огражденъ отъ излишняго солнечнаго жара. Что можетъ быть пріятнѣе для вкуса и прекраснѣе для взора? Между тѣмъ не одна только прибыль меня услаждаетъ, но, какъ я сказалъ прежде, самое воздѣланье и растительность, ряды подставокъ, подвязи вершинъ, сплетенье и растяженье лозъ, отсѣченье лишнихъ побѣговъ и сбереженье прочихъ. Говорить ли объ орошеньи, о полевыхъ окопахъ и разрыхленьи почвы, способствующихъ лучшему ея плодородію. 54. Говорить ли о пользѣ удобренья? Все это изложено въ книгѣ моей, написанной «о сельскомъ хозяйствѣ», о чемъ впрочемъ ученый Гезіодъ, писавшій о земледѣліи, не сказалъ ни слова. Гомеръ, напротивъ, жившій, по моему мнѣнію, за нѣсколько вѣ-

ковъ прежде, представляетъ Лаерта, услаждающимъ скорбь объ отсутствіи сына воздѣланьемъ и удобреньемъ земли. Не только жатвы, луга, виноградники и кусты составляютъ пріятности сельскаго хозяйства, но и сады и огороды, пастбища стадъ, пчелиные рои, разнообразіе цвѣтовъ. И не одни посѣвы, но и прививка — остроумнѣйшее изобрѣтенье въ сельскомъ хозяйствѣ.

ГЛАВА XVI.

Потому не должно казаться страннымъ, что даже великіе полководцы и государственные люди древняго Рима, каковы Маній Курій, Цинцинатъ и др. до глубокой старости занимались земледѣліемъ. Сельское хозяйство не только очень полезно; но вмѣстѣ съ тѣмъ доставляетъ много удовольствій а сельская жизнь поддерживаетъ самое здоровье старцевъ.

55. Я могу продолжать о весьма многихъ удовольствіяхъ сельскихъ занятій; но чувствую, что уже сказанное нѣсколько растянуто. Вы впрочемъ меня извините; ибо, съ одной стороны, я увлекся любовію къ сельскому хозяйству; съ другой — старость, по своей природѣ, говорлива — стало быть, не отъ всѣхъ недостатковъ я ее защищаю. Въ семъ-то образѣ жизни Маній Курій, послѣ своихъ побѣдъ надъ Самнитами, надъ Сабинцами и Пирромъ, провелъ свои послѣдніе годы. Смотря на его усадьбу — она отъ меня недалеко — не могу довольно надивиться, какъ сдержанности этого мужа, такъ и порядкамъ того вре-

мени. Курію, сидѣвшему у очага, Самниты приносятъ кучу золота: онъ ихъ не принимаетъ, говоря, что не обладанье золотомъ считаетъ достославнымъ, а власть надъ тѣми, кто имъ богатъ. 56. Ужели такое великодушіе не могло услаждать старости?

Однако я возвращаюсь къ поселянамъ, чтобы не удалиться отъ своей собственной личности. Тогда живали по деревнямъ сенаторы, то есть, старики: такъ Луція Квинкція Цинцината застали за плугомъ возвѣстившіе ему объ избраньи его въ диктаторы; а по приказанью этого диктатора, магистеръ всадниковъ, Каій Сервилій Агала, захватилъ и умертвилъ Спурія Мелія, стремившагося къ царской власти. Изъ усадебъ своихъ были вызываемы и Курій, и прочіе старцы, отъ чего и служители, ихъ приглашавшіе, назывались *ходаками*. Ужели жалка была участь оныхъ старцевъ, находившихъ удовольствіе въ земледѣліи? По моему по крайней мѣрѣ разсужденію, не знаю, можетъ ли быть какое-либо состоянье болѣе счастливое и не только по обязанности,—такъ какъ земледѣліе благотворно для всего человѣчества, — но и по тѣмъ пріятностямъ, о которыхъ я говорилъ, и по довольству и обилію всѣхъ произведеній, потребныхъ для жизни и для самаго богослуженья, такъ что, уступая желанью нѣкоторыхъ, мы готовы мириться съ чувственнымъ удовольствіемъ. У добраго и заботливаго хозяина всегда полны подвалы, винные, масловые, самая житница и цѣлая усадьба, въ изобиліи водятся свиньи, козлята, ягнята, куры, молоко, сыръ, медъ. Что касается до сада, то сами

земледѣльцы называютъ его вторымъ кормилицемъ. Птицеловство и охота, какъ второстепенныя занятія, дополняютъ всѣ эти пріятности.

57. Распространяться ли далѣе о зеленыхъ лугахъ, о древесныхъ аллеяхъ, о прекрасномъ видѣ виноградныхъ и масличныхъ садовъ? Выражусь кратко. Для прибытка ничего не можетъ быть выгоднѣе, для вида — прекраснѣе хорошо воздѣланнаго поля, и эти удовольствія старость не только не отдаляетъ, но приглашаетъ къ нимъ и завлекаетъ. Гдѣ же пожилымъ людямъ лучше согрѣться на солнышкѣ или у комелька, или гдѣ здоровѣе освѣжиться тѣнистой прохладой и купаньемъ? 58. Пусть за молодыми людьми остаются оружія, кони, копья, лапта и мячи, плаваніе и бѣги,—намъ, старикамъ, изъ многихъ игръ пусть оставятъ зернь и притомъ лишь охотникамъ, ибо и безъ того старость можетъ благоденствовать.

ГЛАВА XVII.

Земледѣліемъ занимались цари, какъ это подтверждаетъ примѣръ Кира младшаго; а оно свойственно старикамъ, и до глубокой старости способно питать ихъ дѣятельность. Наконецъ уваженье, должное старческому возрасту, не мало способствуетъ ихъ счастію.

59. Во многихъ отношеньяхъ весьма полезны Ксенофонтовы книги, которыя прошу васъ читать съ любовію, что вы и дѣлаете. Съ какою полнотой хвалитъ онъ земледѣліе въ книгѣ, подъ заглавіемъ «Домострой.»

Дабы вы убѣдились, что для него земледѣліе казалось наиболѣе царственнымъ занятіемъ, обращаю ваше вниманіе на бесѣду Сократа съ Критовуломъ о томъ что Киръ младшій, царь персидскій, — отличавшійся высокими дарованьями и славою, когда прибывшій къ нему въ Сарды Лизандръ лакедемонскій, мужъ величайшей доблести, привезъ дары отъ союзниковъ, — былъ съ нимъ общителенъ и любезенъ; онъ показывалъ ему огороженное и тщательно засаженное поле. Лизандръ, восхищаясь высокимъ ростомъ деревъ, расположенныхъ прямыми рядами, въ формѣ пятерокъ, почвѣ воздѣланной и чистой, пріятнымъ благовоніемъ, распространявшимся отъ цвѣтовъ, сказалъ, что онъ удивляется не только прилежанію, но и искусству того, кѣмъ все это размѣрено и расположено. Киръ же ему отвѣчалъ: да это я самъ все размѣрялъ, это мой планъ, мое расположенье; многія изъ этихъ деревъ посажены моими руками. И Лизандръ, будто бы взглянувши на его багряницу и его блистательную наружность и персидскій нарядъ, богато украшенный золотомъ и геммами, сказалъ: «Справедливо, Киръ, называютъ тебя благоденствующимъ, потому что къ твоей доблести присоединилось счастіе.» 60. Но пользоваться этимъ счастіемъ доступно и для стариковъ, и возрастъ не мѣшаетъ заниматься прочими дѣлами, а въ особенности земледѣліемъ, до послѣдняго предѣла старости. Такъ, Маркъ Валерій Воронъ, какъ извѣстно, продолжалъ ихъ до сотаго года, когда, отживши лѣта зрѣлаго мужества, поселился въ деревнѣ и занимался земледѣліемъ; а между его первымъ и шестымъ консульствомъ прошло сорокъ шесть лѣтъ. И такъ пространство времени, которое предки наши считали до наступленія старости, составляло лишь поприще его почетныхъ должностей. Притомъ послѣдній его періодъ былъ тѣмъ счастливѣе середняго, что его нравственное вліяніе усилилось, а трудовъ убавилось.

61. Нравственное вліянье — есть вѣнецъ старости. Въ какой степени обладали онымъ Луцій Цецилій Метеллъ, Атилій Калатинъ, къ которому относится эта надпись: *«его одного наибольшая часть племенъ признаютъ первѣйшимъ изъ Римлянъ.»* Этотъ стихъ, изсѣченный на памятникѣ, извѣстенъ. И такъ, по истинѣ, почтенъ былъ тотъ, въ похвалахъ которому согласна общая молва. Какимъ достойнымъ мужемъ недавно являлся предъ нами Публій Крассъ, Великій понтифексъ, а потомъ Маркъ Лепидъ, украшенный тѣмъ же жреческимъ саномъ! Что сказать о Пауллѣ или Африканѣ, или, еще разъ, о Максимѣ? нравственное ихъ достоинство выражалось не только въ сужденьяхъ, но даже въ ихъ взорахъ. Старость, въ особенности соединенная съ почетнымъ саномъ, обладаетъ такимъ нравственнымъ вліяньемъ, что ее должно предпочесть всѣмъ удовольствіямъ молодости.

ГЛАВА XVIII.

Честь и уваженье соединяются конечно не съ лѣтами, а служатъ наградою честно проведенной жизни. Это особенно наблюдалось у Лакедемонянъ, а равно и у Римлянъ. — Утѣшенья этого рода таковы, что передъ ними ничтожны всѣ чувственныя удовольствія. Если, напротивъ, многіе старики испытываютъ непріятности, то виною тому не старость, а ихъ личный характеръ.

62. Помните однако, что во всей этой бесѣдѣ я похваляю ту только старость, которая условливается нравственными правилами молодости. А это подтверждаетъ слова̀ мои, всѣми нѣкогда единодушно одобренныя: «жалка ста́рость, принужденная защищаться словами». Не сѣдины, не морщины могутъ вдругъ овладѣть нравственнымъ вліяньемъ, но честно прожитый предшествовавшій возрастъ пожинаетъ наконецъ плодъ нравственнаго вліянья. 63. Почетъ выражается знаками, по видимому, ничтожными и обыкновенными: старикамъ кланяются, дѣлаютъ посѣщенья, уступаютъ дорогу, передъ ними встаютъ, ихъ провожаютъ и встрѣчаютъ, съ ними совѣтуются: все это и у насъ и въ другихъ странахъ, по мѣрѣ ихъ высшаго нравственнаго развитія, строжайше наблюдается. Лизандръ Лакедемонскій, о которомъ я сейчасъ упоминалъ, обыкновенно говаривалъ, что Лакедемонъ есть почетнѣйшее жилище старости; ибо нигдѣ въ прочихъ мѣстахъ не воздаютъ столько

уваженья лѣтамъ, нигдѣ старость не имѣетъ большаго почету. На память потомству сохранилось даже преданье: въ Аѳинахъ нѣкто преклонныхъ лѣтъ пришелъ въ театръ на игрища и среди многолюднаго стеченья ни одинъ изъ его согражданъ не уступилъ ему мѣста, а когда онъ приблизился къ Лакедемонцамъ, бывшимъ тогда въ посольствѣ и сидѣвшимъ на опредѣленномъ мѣстѣ, то, говорятъ, всѣ они встали и усадили съ собою старика. 64. И какъ все собранье громко имъ при этомъ рукоплескало, то одинъ изъ нихъ сказалъ: «Аѳиняне знаютъ что честно, но не хотятъ этого дѣлать». Въ нашемъ обществѣ много прекрасныхъ постановленій, и — относительно предмета настоящаго разсужденья — то въ особенности, что всякій членъ, старѣйшій лѣтами, удерживаетъ первенство при подачѣ голосовъ и старшіе лѣтами не только предпоставляются высшимъ по званью, но даже правительственнымъ лицамъ. Какія же чувственныя удовольствія можно сравнить съ почетомъ, который воздается нравственному превосходству.? На людей, блистательно имъ воспользовавшихся, смотрю я какъ на разыгравшихъ драму жизни, и не роняющихъ себя, подобно неискуснымъ гистріонамъ, въ послѣднемъ актѣ.

65. Но старики брюзгливы, скучны, раздражительны и взыскательны; а, если вникнуть, то и скупы. Да вѣдь это недостатки характера вообще, а не старости. При томъ самая брюзгливость и помянутые мною пороки, по видимому, извиняются нѣкоторыми смягчающими, хотя и невполнѣ законными, обстоя-

тельствами. Имъ кажется, что ихъ унижаютъ, презираютъ, осмѣиваютъ, а, при тѣлесной немощи, всякое оскорбленье несносно. Но все это смягчаютъ добрые нравы и образованье, какъ это очевиднымъ представляется и въ жизни, и на сценѣ, въ комедіи «Братья» (Adelhpi). сколько одинъ братъ строптивъ, а другой обходителенъ! Таковъ порядокъ вещей: какъ не всѣ вина, такъ и не всѣ характеры отъ времени портятся. Я одобряю въ старикѣ строгость, если, подобно прочему, она умѣренна; не одобряю суровости. 66 Но чего хочетъ старческая скупость — не понимаю! Что можетъ быть безразсуднѣе, какъ — чѣмъ меньше остается пути, тѣмъ больше хлопотать о дорожныхъ деньгахъ?

ГЛАВА XIX.

Съ этой главы до конца идетъ бесѣда о четвертомъ обвиненьи противъ старости, т. е. что она близка къ смерти. Катонъ на это возражаетъ. 1) Что смерть вовсе не есть зло, если она уничтожаетъ человѣка и съ ней умираетъ душа; если же душа, по смерти, переселяется въ вѣчную жизнь, то смерть есть благо. 2) Отъ нея не безопасны и молодые люди, также какъ и старики. 3) Старцы уже насладились долгою жизнію, чего молодые люди только желаютъ, 4) При ограниченности времени, долгота жизни не есть нѣчто существенное; послѣднее заключается въ полезномъ употребленьи времени и въ пріобрѣтеньи духовныхъ благъ. 5) Наконецъ смерть старика, какъ законъ согласный съ природою вещей, и потому самому уже не можетъ считаться несчастьемъ.

Остается *четвертая причина*, повидимому, болѣе удручающая и смущающая нашъ возрастъ — это

близость смерти, которая, конечно, отъ старости не за горами. О какъ жалокъ старикъ, который, въ теченьи столь долгаго жизненнаго поприща, не научился презирать смертію! Или должно ею совершенно пренебрегать, если она вполнѣ угашаетъ душу; или должно ее желать, если она ее переселяетъ, въ тотъ міръ, гдѣ ее ожидаетъ безсмертіе. 67. Ничего, конечно, нельзя придумать третьяго. Чего же страшиться, когда или по смерти я не буду несчастенъ, или даже буду блаженъ? Съ другой стороны, кто столько безразсуденъ, чтобы и въ юности быть увѣреннымъ, что доживетъ до вечера? Да возрасту тому, гораздо болѣе чѣмъ нашему, угрожаютъ смертные случаи. Юноши чаще подвергаются болѣзнямъ, мучительнѣе страдаютъ, труднѣе врачуются. Вотъ почему немногіе достигаютъ старости; еслибы это было иначе, то жилось бы лучше и благоразумнѣе. Разумъ, разсудокъ и совѣтъ свойственны старикамъ: не будь стариковъ — и не существовало бы государствъ. Но возвращаюсь къ близкой смерти. Какое же тутъ обвиненье старости, когда она у ней общая съ молодостью?

68. Мнѣ далъ почувствовать прекраснѣйшій сынъ, тебѣ, Сципіонъ, братья, которыхъ ожидали высшія почести, что смерть—общій удѣлъ всѣмъ возрастамъ. Но юноша надѣется долго жить, чего самаго старикъ не можетъ надѣяться. Безумная надежда! Что безразсуднѣе какъ невѣрное считать за вѣрное, ложь — за правду! Но старику нечего даже и надѣяться: однако онъ тѣмъ въ лучшемъ положеніи противъ юноши, что

этотъ надѣется, а тотъ уже получилъ. Одинъ хочетъ жить долго, другой долго жилъ. 69. Да и что значитъ, о благіе боги, долговременность въ жизни человѣка! Дайте ему должайшую жизнь — мы захотимъ долговѣчности Тартесскаго царя. Въ Гадесѣ, именно, какъ я читалъ, былъ нѣкто Аргантоній, царствовавшій восемьдесятъ лѣтъ, а жившій сто двадцать; но, по мнѣ, то вовсе недолговременно, чему положенъ конечный предѣлъ, съ наступленіемъ котораго все прошедшее уже миновало: остается лишь нажитое доблестью и добрыми дѣлами. Часы, дни, мѣсяцы, годы летятъ и — протекшее время никакъ не вернется, и что настанетъ послѣ — не знаемъ. Всякій долженъ довольствоваться даннымъ для жизни срокомъ. 70. Какъ гистріонъ, чтобы понравиться, не ожидаетъ конца всей комедіи, — лишь бы въ каждомъ актѣ своей игры заслужить одобренье — такъ и мудрецу не всегда суждено доживать до восклицанія: «рукоплещите?»

Короткое время жизни довольно долго для жизни добродѣтельной и честной: пройдешь ли далѣе, не жалѣй о томъ, какъ не жалѣютъ земледѣльцы, что, по прошествіи пріятностей весенней поры, наступаетъ лѣто и осень. Весна прообразуетъ юность и указываетъ на будущій урожай, а прочія времена предназначены для жатвы и уборки плодовъ. 71. Плодъ старости, это — какъ часто я повторялъ, память и запасъ добра, прежде совершеннаго. Все совершающееся по закону природы должно считать благомъ: что же естественнѣе, какъ старику умереть? Та же участь однако постигаетъ и молодыхъ людей, не-

смотря на сопротивленье и борьбу природы. Вотъ почему юноши представляются мнѣ умирающими на подобіе сильнаго пламени, заливаемаго обильною водой: старики — на подобіе огня, который самъ по себѣ, безъ всякаго насилія, истощенный, гаснетъ; — или какъ плоды, еще зеленые, съ трудомъ отрываются отъ дерева, спѣлые и полные падаютъ, такъ насиліе уноситъ жизнь юношей; жизнь стариковъ — это зрѣлость, которая однако для меня столь отрадна, что, постепенно приближаясь къ смерти, я, кажется мнѣ, вижу берегъ и наконецъ, послѣ долгаго плаванья, готовъ вступить въ пристань.

ГЛАВА XX.

Присоединяются другія болѣе практическія замѣчанья. Старости нѣтъ положеннаго предѣла, а потому, съ одной стороны, должно быть довольнымъ жизнью до тѣхъ поръ, пока исполняешь свое призванье; съ другой, нужно всегда быть готовымъ къ смерти. Слѣдовательно всего лучше спокойно предоставить самой природѣ разложенье нашего состава, ею скрѣпленнаго. Чтобы обладать такою твердостью должно съ самыхъ юныхъ лѣтъ побѣждать всякій страхъ смерти; въ противномъ случаѣ, такъ какъ она постигаетъ человѣка во всякомъ возрастѣ, мы не могли бы наслаждаться жизнью, и еще менѣе, неустрашимо идти на встрѣчу смерти въ борьбѣ за отечество. Но какъ на такой подвигъ рѣшались юные воины, то еще легче не бояться смерти старику, пережившему всѣ возрасты и слѣдовательно чувствующему нѣкоторое пресыщенье.

72. Нѣтъ положеннаго предѣла старости и хорошо живется въ этомъ возрастѣ, пока можешь дѣйство-

вать и исполнять обязанности своего призванья. Вотъ отъ чего старецъ спокойнѣе и неустрашимѣе юноши. Въ такомъ настроеніи Солонъ вопросившему его Пизистрату: «на что онъ надѣется, столь смѣло ему противоборствуя»; говорятъ, отвѣчалъ: «на свою старость». По истинѣ лучшій конецъ жизни тотъ, когда сама природа разрѣшаетъ связанный ею составъ, твердый умомъ и бодрый чувствами. Какъ корабль, какъ зданье легче разрушаетъ самъ строитель, такъ и человѣка разлагаетъ лучшимъ образомъ природа, его сплотившая; а всякая недавняя связь многотрудно; напротивъ, устарѣлая, легко расторгается. Такимъ образомъ старикамъ не слѣдуетъ ни жадно желать продолженья краткаго остатка жизни, ни безъ причины покидать ее. 73. Пиѳагоръ равно запрещаетъ «безъ воли вождя, т. е. бога, оставлять ввѣренный постъ жизни.» Уцѣлѣла надгробная Солонова надпись, въ которой онъ выражаетъ свою волю, чтобъ его смерть не осталась безъ горестнаго воспоминанья друзей и дружескихъ слезъ; то есть, онъ, думается мнѣ, дорожилъ любовію своихъ ближнихъ; сомнѣваюсь однако, не справедливѣе ли изреченіе Еннія:

«Пусть похоронятъ меня безъ горькихъ слезъ и рыданій.»

Онъ считаетъ, что не должно оплакивать смерть, за которою наступаетъ безсмертіе. Нѣкоторое чувство замиранья, и притомъ краткоременное, можно, конечно допустить, особенно въ старикѣ; но посмертное ощущенье или оно вожделѣнно, или вовсе

немыслимо. Съ юныхъ лѣтъ необходимо о томъ размышлять, чтобы пренебрегать смертью, и безъ этого размышленья никто не можетъ быть спокоенъ духомъ. Умереть неизбѣжно, но неизвѣстенъ день кончины. И такъ, кто,—страшась ежечасно угрожающей смерти,—можетъ сохранить душевную твердость? 75. Кажется, нѣтъ нужды долго задумываться на этомъ вопросѣ, припоминая себѣ—не Луція Брута, падшаго въ борьбѣ за свободу отечества; не обоихъ Деціевъ, понесшихся на коняхъ своихъ на добровольную смерть; не Манія Атилія, для сдержанія даннаго непріятелю слова, пошедшаго на казнь; не двухъ Сципіоновъ, рѣшившихся даже своими тѣлами заградить путь Карѳагенцамъ; не твоего друга Луція Паулла, смертію искупившаго безразсудство своего товарища въ Каннскомъ сраженьи; не Марка Марцелла, котораго лютѣйшій его врагъ не потерпѣлъ лишить чести погребенья;—но о нашихъ легіонахъ (какъ это описано мною въ «началахъ»), съ веселымъ и бодрымъ духомъ часто устремлявшихся туда, откуда уже не чаяли воротиться. Итакъ, если молодые люди, и не только неученые, но даже поселяне, презираютъ смертью, ужели просвѣщенные старцы будутъ ея страшиться. Притомъ же, кажется мнѣ, насытившись всѣмъ, можно наконецъ насытиться и жизнію. 76. У отроковъ есть свои опредѣленныя склонности, но развѣ имъ поддаются взрослые юноши? Склонности цвѣтущаго возраста ужели занимаютъ зрѣлый періодъ жизни, называемый среднимъ? Свойственныя этому послѣднему,—конечно незанимательны для ста-

риковъ. Наступаютъ, наконецъ, склонности позднихъ лѣтъ; но какъ отпадаютъ склонности предшествующихъ возрастовъ, такъ отпадаютъ и старческія; и когда это совершается, довольство жизнію приближаетъ благовременный срокъ смерти.

ГЛАВА XXI.

Лучшее утѣшенье въ старости—мысль о безсмертіи души, которую питаетъ Катонъ частію по своимъ психологическимъ понятіямъ, частью, слѣдуя ученью Пиѳагора и Сократа.

77. Я не вижу почему бы не смѣть сообщить вамъ *мое* мнѣніе о смерти, которую я какъ-будто бы тѣмъ яснѣе вижу, чѣмъ ближе отъ нея отстою.

Отцевъ вашихъ, Публій Сципіонъ и ты, Каій Лелій, мужей славнѣйшихъ и мнѣ любезнѣйшихъ, я считаю живущими, и притомъ такою жизнію, которая одна заслуживаетъ названія жизни. Пока мы заключены въ этомъ зданіи нашего тѣла, мы несемъ какую-то невольную и многотрудную службу; ибо небесная душа низпала изъ горняго жилища и какъ бы погружена въ земную юдоль,—мѣсто, противоположное божественной природѣ и вѣчности. Мнѣ думается, что безсмертные боги посѣяли души въ человѣческихъ тѣлахъ, чтобъ образовались существа, которыя бы охраняли землю, и, созерцая порядокъ небесныхъ тѣлъ, ему подражали своею жизнію и постоянствомъ. Не только разумъ и размышленіе побудили меня этому вѣрить, но знаменитость и ауктоторитетъ величайшихъ философовъ.

Я слыхалъ, что Пиѳагоръ и Пиѳагорейцы, почти наши земляки, нѣкогда именовавшіеся италійскими философами, ни мало не сомнѣвались объ отдѣленіи душъ отъ всемірнаго божественнаго разума. Мнѣ, сверхъ того, сказывали, какъ въ послѣдній день своей жизни разсуждалъ о безсмертіи души Сократъ, признанный за мудрѣйшаго изъ всѣхъ Аполлоновымъ оракуломъ. Словомъ, я убѣжденъ, я сознаю, что при такой быстротѣ души, при такой памяти прошедшаго, предвѣдѣніи будущаго, при обладаньи столь обширными во многихъ наукахъ знаньями, столькими изобрѣтеньями, натура, все это объемлющая, не можетъ быть смертною. Притомъ душа непрестанно дѣйствуетъ и не побуждаемая къ дѣйствію, сама собою движетъ, слѣдовательно, не будетъ конца ея движенью; ибо она никогда себя не покинетъ. Далѣе, сущность души есть простая, чуждая примѣси посторонняго, инороднаго, слѣдовательно, она не можетъ дѣлиться; а если не можетъ дѣлиться, то не можетъ и погибнуть. Сильнымъ доказательствомъ того служитъ, что люди весьма многое знаютъ до своего рожденья, что отроки, изучая трудныя науки, такъ скоро усвояютъ безчисленные предметы, что, повидимому, не впервые тогда воспринимаютъ ихъ, но обновляютъ въ себѣ и вспоминаютъ. Таково почти разсужденіе Платона.

ГЛАВА XXII.

Тоже сужденье Ксенофонтъ въ своей Киропедіи влагаетъ въ уста умирающаго Кира.

79. У Ксенофонта, Киръ старшій такъ говоритъ предъ смертью: «Не думайте, мои любезнѣйшіе сыновья, что когда я отъ васъ отойду, то уже нигдѣ и вовсе не буду. Да и пока я былъ съ вами, вы не видѣли души моей, хотя сознавали ея присутствіе въ этомъ тѣлѣ, по моимъ дѣйствіямъ. Вѣрьте, что она такою же останется, хотя вы и не будете видѣть ея. 80. Да и слава великихъ людей не сохранялась бы по смерти, еслибы душа ихъ ни мало не содѣйствовала для дальнѣйшаго своего пребыванья въ нашей памяти. Меня никакъ не могли убѣдить, что души, пребывая въ смертныхъ тѣлахъ, живутъ, а, по разлукѣ съ ними, умираютъ; что душа теряетъ свое сознанье, отлетая изъ безсознательнаго тѣла; напротивъ, свободная отъ всякой чувственной примѣси, чистая и всецѣлая, тогда она дѣлается ясновидящею.

Притомъ, когда смерть разлагаетъ человѣческое естество, то очевидно куда дѣваются прочія части: онѣ возвращаются туда, откуда получили начало; незрима лишь одна душа, какъ во время своего пребыванья въ тѣлѣ, такъ и по своемъ отшествіи. Далѣе видите вы, что смерти всего ближе уподобляется сонъ. 81. А души спящихъ весьма явно проявляютъ

свою божественность: отрѣшенныя и свободныя, онѣ провидятъ многое въ будущемъ. Отсюда очевидно, какими станутъ души, вполнѣ разрѣшенныя отъ тѣлесныхъ узъ. Если же это вѣрно, то чтите меня, говорилъ онъ, какъ бога; суждено ли, напротивъ, душѣ погибнуть вмѣстѣ съ тѣломъ, вы однако, боящіеся боговъ, зиждущихъ и управляющихъ этимъ прекраснымъ міромъ, — вы свято и ненарушимо сохраните нашу память.»

ГЛАВА XXIII.

О безсмертіи души свидѣтельствуетъ и то, что этой вѣрою руководились величайшіе люди въ своей земной дѣятельности, и что мудрецы умирали съ твердымъ спокойствіемъ, люди пустые — съ крайнею боязнью; потому, конечно, что первые видѣли дальше и яснѣе послѣднихъ. Самъ Катонъ утѣшается надеждой вскорѣ свидѣться съ своими умершими друзьями, надеждой, которую онъ не промѣнялъ бы на вторую земную жизнь, еслибы онъ могъ снова начать свое поприще; которая помогаетъ ему переносить величайшее злополучіе — смерть сына — и дѣлаетъ старость не только сносною, но и услаждаетъ надеждой, съ которою онъ не хотѣлъбы разстаться, еслибы даже она была ложная. Во всякомъ случаѣ благо для человѣка умереть въ свое время, т. е. поживши довольно. Въ заключенье онъ выражаетъ желанье, чтобы его юные друзья достигли такой же старости какъ онъ, и испытали на себѣ истину его воззрѣній.

82. Такъ говорилъ умирающій Киръ. Мы, если угодно, разсмотримъ наше мнѣнье. Никто и никогда не убѣдитъ меня, Сципіонъ, чтобы твой отецъ, Пауллъ, или твои два дѣда, Пауллъ и Африканъ, или

Африкановы отецъ и дядя, или многіе великіе мужи, которыхъ исчислять не нужно, подвизались въ дѣлахъ, живущихъ въ памяти потомства, еслибы душею не провидѣли, что и потомство будетъ имъ не чуждо. Ужели думаешь, чтобъ и я, по старческому обычаю, гордился столькими денными и ночными трудами, подъятыми въ мирѣ и войнѣ, еслибы славу свою ограничивалъ тѣми же предѣлами, которыми ограничится моя жизнь? Не было ли бы гораздо лучше провести досужный и безпеченный возрастъ безъ труда и соревнованья? Между тѣмъ, непонятнымъ образомъ, душа моя, возбуждаясь, такъ всегда провидѣла потомство, какъ-будто, по разлукѣ съ жизнію, предстоитъ ей новая жизнь. Безъ этого условія, т. е., еслибъ она не была безсмертна, души людей избраннѣйшихъ не стремились бы къ безсмертію. Какъ объяснить, что мудрецъ умираетъ съ величайшимъ спокойствіемъ духа, пустые люди — съ крайнимъ молодушіемъ? Не ясно ли, что кто больше и далѣе видитъ, тотъ понялъ, что идетъ къ лучшей жизни, а чье зрѣніе тупѣе, тотъ не видитъ. Вотъ и меня влечетъ желанье увидѣть вашихъ отцовъ, которыхъ уважалъ и любилъ, и не только стремлюсь сойдтиться съ тѣми, кого зналъ, но и съ тѣми также, о которыхъ слыхалъ или читалъ и самъ писалъ. Да не легко кто-либо воротилъ бы назадъ меня, туда идущаго, и переварилъ какъ Пеліаса; а еслибы даже какое божество, въ знакъ милости, захотѣло, чтобъ я въ настоящемъ возрастѣ сдѣлался ребенкомъ, плакалъ въ колыбели,—я упорно бы отказался и, по истинѣ, не за-

хотѣлъ бы, пробѣжавъ поприще до конца, снова стать за барьеромъ. 84. Гдѣ же въ жизни спокойствіе? Не больше ли въ ней трудностей? Пусть, однако, она имѣетъ свою хорошую сторону, все же, наконецъ, въ ней чувствуется сытость и исполняется мѣра. Не стану я оплакивать жизни, что̀ позволяли себѣ многіе и часто люди ученые, и не жалѣю о прожитомъ времени, ибо жилъ такъ, что не напрасно считаю себя родившимся, и ухожу со свѣта, какъ изъ гостей, а не какъ изъ дома. Природа дала намъ здѣсь лишь гостинницу для ночлега, но не постоянное жилище. О какъ прекрасенъ день, когда я отойду въ тотъ божественный сонмъ и общество душъ, и покину эту толпу и хаосъ! Я отойду не къ тѣмъ только мужамъ, о которыхъ упомянулъ выше, но и къ любезному моему Катону, лучше котораго и благочестивѣе никто не родился; чье тѣло сожжено мною на погребальномъ кострѣ, а слѣдовало, чтобъ онъ, наоборотъ, мнѣ оказалъ эту услугу; чья душа, не измѣнила мнѣ и обращая взоръ ко мнѣ, переселилась туда, гдѣ увидѣла мѣсто моего переселенья. Я, повидимому, мужественно переносилъ это мое злополучіе, но не по потому что былъ равнодушенъ; нѣтъ, я утѣшалъ себя, что мы не надолго разстались и разлучились. 85. Вотъ какими помыслами, Сципіонъ, — по словамъ твоимъ, въ тебѣ и въ Леліѣ возбуждавшими всегдашнее удивленье — старость облегчается, дѣлаясь не только не тягостною, но и пріятною. Если же я заблуждаюсь, вѣря безсмертію души, — охотно за-

блуждаюсь, и это заблужденье, меня утѣшающее, никому не допущу отнять у меня при жизни. Если же, по смерти, какъ полагаютъ нѣкоторые невысокіе философы, ничего не буду чувствовать, то мнѣ не страшно, что это заблужденье осмѣютъ философы по смерти. Пусть мы не будемъ безсмертны, но все же вожделѣнно угаснуть въ свое время, такъ какъ природа во всѣхъ другихъ вещахъ, а слѣдовательно и въ жизни, имѣетъ мѣру. Возрастъ старости есть какъ бы конецъ драмы, и при этомъ мы должны остерегаться изнеможенья, особенно вдоволь нажившись.

Вотъ мысли, которыя я хотѣлъ сообщить о старости. Желаю вамъ дожить до нея, дабы слышанное отъ меня, испытавъ на дѣлѣ, могли одобрить.